

Зинзивер № 5 (149) 2025

2025
Санкт-Петербург

ЖУРНАЛ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ XXI ВЕКА И ХОЛДИНГА «ВЕСТ-КОНСАЛТИНГ»

**Издатель Холдинговая компания «Вест-Консалтинг»
(генеральный директор Евгений Степанов)**

Председатель Редакционного совета
Тамара Буковская

Главный редактор
Евгений Степанов

Заместитель главного редактора
Ольга Денисова (проза)

Заместитель главного редактора
Ольга Ефимова (поэзия, критика)

Редакция:
Максим Жуков (электронная версия)

Галина Илюхина

Сергей Киулин

Фёдор Мальцев

Валерий Мишин

Ирина Ракитина (верстка)

Адрес:
Россия, 115230, Москва, Хлебозаводской проезд, д. 7, стр. 9, офис № 12 (7 этаж)
Союз писателей XXI века, издательство «Вест-Консалтинг», редакция журнала «Зинзивер»
Степанову Евгению Викторовичу

E-mail: zinzivier@mail.ru

Сайт журнала
<https://www.zinziver.ru/>

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Колонка редактора</i>	5
--------------------------------	---

ПОЭТЫ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Евгений КАМИНСКИЙ. Поперек эпохи. Стихотворения	6
Валерий СКОБЛО. Слева и справа. Стихотворения	16
Георгий ЖЕРДЕВ. По сторонам света. Стихотворения.....	28

ПРЕКЛИЧКА ПОЭТОВ

Сергей ПОПОВ. Форма яблока. Стихотворения	33
Владимир АЛЕЙНИКОВ. Сопоставление. Поэма	45
Михаил БЕРМАН. Я смотрю в окно. Стихотворения	56
Вита ПШЕНИЧНАЯ. Помня о тепле. Стихотворения	60
Евгений СТЕПАНОВ. В маленьком саду. Стихотворения.....	63

ПРОЗА

Александр БУДНИКОВ. Посланец. Рассказ	66
Олег РЯБОВ. Портрет артиста. Рассказ.....	74

ИШТУДИИ

Алексей СУХОВ. Музыкальные образы гармоники и гитары в цикле стихов Сергея Есенина «Москва кабацкая». Статья.....	78
--	----

РЕЦЕНЗИИ

Кузнечихин С. Д., «Три четверти: Стихотворения» (Ольга НЕМЕЖИКОВА) Галина Шубникова, «Излучина» (Ольга ЕФИМОВА)	85
--	----

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

Дорогие друзья!

Мы продолжаем наш труд.
Журнал по-прежнему выходит.

Оставайтесь с нами!

Евгений СТЕПАНОВ

Поэт, прозаик. Родился в 1957 году в Ленинграде. Автор одиннадцати поэтических книг и около двухсот публикаций, в том числе в журналах: «Дружба народов», «Звезда», «Урал», «Волга», «Юность», «Нева», «Аврора», «Октябрь», «День и ночь», «Дети Ра», «Зинзивер», «Крещатик», «Плавучий мост», «Северная Аврора», «Петербург», «Южное сияние», «LiteraruS» (Хельсинки), «Литературная учеба» и др., в альманахах «Поэзия», «День поэзии», «Истоки», «Подвиг», «URBI», «Невский Альманах», «Васильевский остров», «Царское село», «Век XXI» и др., а также в различных коллективных сборниках. Участник многих поэтических антологий, в частности, «Строфы XX века» (М., 1999). Лауреат нескольких литературных премий: журнала «Нева» за лучшую поэтическую публикацию 2021 года, Фестиваля гражданской поэзии в Ярославле 2021 г., Четвертого международного литературного тургеневского фестиваля «Бежин луг» — 2021 (победитель в номинации поэзия). Живет в Санкт-Петербурге.

ПОЭТЫ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

ПОПЕРЕК ЭПОХИ

* * *

Чем хуже на свете поэту,
тем проще рожденным стихам
быть нужными целому свету
и даже бездушным верхам.

Чем хуже поэту на свете,
тем больше в нем света, и тьма
как раз вот за странности эти
и сводит поэта с ума.

Кто видел поэтов непьющих,
себя соблюдающих тут?!
Как зелень из зерен гниющих
стихи из поэтов растут.

А после — зачем им поэты?
Поэты стихам не нужны,
особенно тем, что, раздеты,
лежат на страницах, нежны.

О сколько их сгнило, несчастных
поэтов, чьих жизней загиб
пробился к машинке печатной
и в трех экземплярах погиб!

* * *

Уж полночь. Все пробили склянки.
и Дант с Петраркой, хоть умри,
должны домой тащиться с пьянки,
во тьме, где всюду упыри,

взопрев от красного, да тати,
что с пьяных дань дерут опричь.
И вот он Дант! С какой бы стати
им упускать такую дичь?!

Треух бараний вроде птицы,
тулуп овчинный словно печь...
Ну как сиим не поживиться,
а если пикнут, не упечь?!

И упекут ведь: цап за руку,
потом в УАЗ и под замок
Петрарку, Данта ли, как урку,
чтоб уж, отчаявшись, замолк.

Выходит, лучше мерзнуть в парке,
не торопиться никуда
ни Данту с Пряжки, ни Петрарке
с престижной Площади Труда.

Ни правдой выдюжить, ни кривдой,
будь ты хоть умник, хоть простец,
путь между Сциллой и Харибдой,
где всем всегда один конец.

* * *

Ночью входят все те, кто не выжил
в девяностые, кто не дожил
до сегодняшних...
Умерли вы же!
Или все же сбежали в Алжир?

Хорошо, если так. Ведь в Алжире
больше солнца на душу. К тому ж
там живется любому транжире
чуть живей без убийственных стуж.

Вот бы тоже в Алжир поскорее.
Да внезапный, боюсь, переезд,
как в Египет семьи Назорея,
мне издержками душу изъест.

И потом, климат тамошний, может,
не придется душе по нутру:
хорошо, если только изгложет,
как бессонница разум к утру...

Но ведь может все кончиться хуже.
Вникнув в мой до Алжира билет,
контролер меня высадит в стужу,
от которой спасения нет.

* * *

Поставил точку, отложил орало,
чтоб оглядеть притихшее опричь.
А все вокруг от смеха угорало
и дрыгалось, как пойманная дичь.

Соседка борщ варила со свиной.
Соседку крыл сосед с винцом в груди.
Лежала ночь заснеженной равниной
без всякого просвета впереди.

И сжала вдруг к себе такая жалость!
Ведь связь времен (так прежде думал я)
натянутой веревкой оказалась
соседями для нижнего белья...

Ужели все, что в ум являлось свыше,
не больше, чем рубаха и порты?
ужели не прочитан, не услышан,
а высушен и только жизнью ты?

Но если уж тебя тут, как рубаху,
не выход ли, взойдя на табурет,
махнуть рукой и ухнуть в ночь без страху?..
Придет же в ум порой подобный бред!

ВРЕМЕНА

Ловили, крутили, клеймили,
во всем обвиняя, кляли.
А то и, разнюхав промилле,
в отделе дубинками били:
не думай и чушь не мели.

Навек заточали в юдоли.
Как брашно томили в печи.
И если ты, раб поневоле,
винился им, воя от боли,
рычали в лицо: не кричи!

По карточкам жизнь выдавали.
По паспорту — право на смерть.
Варили, лудили, ковали,
из грязи князей создавали,
готовых любое посметь.

Лихим вам, спасибо за это,
за выход мой трудный в финал.
Век прожит, но честь не задета —
блестит средь хулы и навета
души драгоценный фиал.

* * *

Смерть, право, примет каждого как мать:
прижмет к себе, мол, мир оставь в покое.
И надо бы о жизни рифмовать,
да где уж тут, когда внутри такое.

Когда ну не рифмуется, хоть вой,
ни бриз с волной, ни осень с листопадом,
и тяжко ты бредешь по Моховой,
и в лица встречным дышишь личным адом.

Все думаешь о том, что за чертой,
откроется тебе. Да все там будем...
Но если после смерти жизнь не той
окажется, что делать мертвым людям?!

Смерть больше жизни в миллионы раз.
Она и есть та вечность, уж поверьте.
И все-таки куда ей столько нас,
рожденных только жить, не веря смерти?

* * *

Когда меня достали из горнила
средины девяностых чуть живым,
душа еще о прошлом мысль хранила,
но образ мысли был уже иным.

Я разобрался в сути человеческой,
в пустом по сути замысле времен,
не столь нещадным жаром искалечен,
сколь вылечен и даже вразумлен.

Не будет на земле любви и братства.
И не было. Поскольку, лицемер,
нас времена с рожденья брали в рабство
бесстыдных грез, бессмысленных химер.

Поскольку лишь одно им было надо:
тая в себе Иудову печать,
сперва из человеков сделать стадо,
а после и заставить их мычать.

Крепись, душа. Записаны все вздохи
твой вон там, за дымкой голубой.
Еще немного — поперек эпохи...
Ведь только так и можно нам с тобой.

* * *

Ваятели тонкой строки
и рвущего сердце сюжета,
куда утащила вас Лета,
прикинувшись руслом Оки?

Расхожее мнение здесь,
что все вы в раю поголовно.
И рай это, скажем, Коломна,
где вдоволь и пить вам, и есть.

А я благодушен не столь:
в аду все вы, как на вокзале,
где вам «Ожидайте...» сказали,
и лишь не сказали — доколь.

Там слава земная — не в счет.
Там разум, обидой кипящий,
архангел для ясности вящей
двуручным мечом рассечет.

Там ждать вам, холодным, как лед,
бог весть сколь развязки, стена...
Когда еще слава земная
в бессмертной душе отомрет?!

* * *

Осталось жить всего-то ничего.
Закончишь здесь — и там начнется тут же,
где ночь ложится тяжело на чело,
как лед на замерзающие лужи.

Где больше не живут — лишь ждут рассвет,
всем коллективом дружным, всей конторой,
разглядывая вечность, у которой
ни прошлого, ни будущего нет.

* * *

И кто же не клялся по жизни
себя золотого найти
на пыльных тропинках отчизны,
а прежнего — бросить в пути?!

«Страсть девы — уловка суккуба,
зов плоти — удавка ловца...»
И кто ж так не мыслил сугубо,
вникая в заветы Отца?!

И все-таки жил по старинке,
живется на свете пока:
крутил в патефоне пластинки,
девицу схватив за бока.

А то и суккуба по пьяни
в каком-то медвежьем краю,
кривого, как ню Модильяни,
земного, как Ева в Раю.

Не срок, мол, виниться, покуда
жизнь праздник еще, а не труд.
Кто ж не целовал, как Иуда
и друга не резал, как Брут?!

Когда еще будет готово
у них там, где будь ты хоть тать,
а вынь себя им золотого,
которого клялся искать?!

* * *

Смерть волком глядит нарочито,
когда предъявляет права
на жизни обычные чьи-то,
которым исчезнуть пора.

Куда? Да не важно ей это.
Решила и просто берет
отсюда за час до рассвета
кого-то ногами вперед.

Оставит потом у причала,
где холод скользит вдоль лица...
Но это лишь только начало
не видного в бездне конца.

Хотя ей такая работа
едва ли, скажу, по душе:
все время отсюда кого-то,
с посмертным на фейсе клише.

Один за другим. Как Стаханов
рекорд выдает на-гора:
уж выше сахарских барханов
судеб человеческих гора.

Штампует здесь без перекура,
уже вся в чернилах рука...
Жизнь против нее — синекура
и блажь от гудка до гудка.

* * *

Глаза округлив, как тупица,
что толку дивиться опричь
на то, что с народом творится,
чей дух никогда не постичь

ни саксу, ни немцу, ни Риму,
ни брошенной в омут Му-му,
ни даже, боюсь, серафиму,
глядящему в корень всему,

стоящему здесь, чтобы птице
иль зверю какому не дать
от сути своей уклониться
и чем-то немислимым стать.

Что толку терзаться уныло:
мол, чем мы, рожденные чтоб,
от этих, которых на мыло...
и морщить усиленно лоб,

когда серафим шестикрылый,
в чьей длани царева печать,
уж гонит всех скопом на мыло,
до смерти устав различать?!

* * *

Отчизне доверял, как всякий смертный:
как всякий смерд, от страха обмирал,
когда передо мною высясь Этной,
меня громил товарищ генерал.

Когда меня мурыжили в отделе,
где граждан, зачитавши их права,
берут на карандаш. Ну а на деле —
за горло, мол, любовь всегда права.

Когда меня, ноля без единицы,
всем скопом наставляли, изваляв,
а я еще обязан был виниться
на языке их пафосных маляв.

И до сих пор живой. Подумать страшно,
уж столько лет я мог лежать в гробу,
а вот хожу за водкой в ряд калачный,
как вечный жид, что с ижицей во лбу.

И вглядываясь в праздничные рыла
поправших стыд жлобов и торгашей,
я славлю жизнь за все, что мне открыла
пред тем, как озверев, погнать взашей.

* * *

Жизнь — лишь промельк, похоже.
А потом — мрак вины
и ознобом по коже
хлад от черной стены,

сто веков или двести,
где ты, смертью смирен,
без маляв и известий
до скончанья времен.

За стеной этой что-то
будет наверняка,
кроме ряски болота
и коряг топляка.

Может, новое небо,
где всего за пятак
и вина вам и хлеба?
Хорошо, если так.

К ней прижаться и слушать,
вдруг представив на миг,
как прощенные души
там пошли на пикник,

как открыли бутылки
и налили вина...
В бород золоте пыли
серебрят седина.

И смеются, как дети,
уж не маясь виной,
все, прощенные эти,
красоты неземной.

* * *

Не все мне удалось. Ну, скажем, треть
зادуманного, что не так и мало,
когда вдруг осознать и обозреть
все пройденное, в дымке, с перевала.

Но это — все. И вот выходит: я
жил лишь на треть без должной доли рвенья.
Но примет ли пристрастный Судия
в конце времен такое объяснение?

Ведь даже эту треть не оправдать,
когда она окажется пустою,
не смогшей тут вместить ни благодать,
ни истину, которой я не стою.

Хотя любовь там истинно была,
для пристального взгляда неприметна,
таившая от жизни два крыла,
чтоб их раскрыть над бездною посмертно.

Поэт, прозаик, публицист. Родился в 1947 году в Ленинграде. Окончил матмех ЛГУ. Работал научным сотрудником в НИИ Ленинграда-Петербурга. Научные труды в области прикладной математики, радиофизики, оптики. Сборники стихов «Взгляд в темноту» (СПб, 1992), «Записки вашего современника» (СПб, 2011), «О воде и воле» (СПб, 2015), «За тайной печатью» (СПб, 2017), «Отплытие» (Торонто, 2022). Член Союза писателей Санкт-Петербурга (с 1993). Стихи, проза, публицистика публиковались в российской и зарубежной (Англия, Беларусь, Болгария, Германия, Дания, Израиль, Ирландия, Канада, Казахстан, США, Украина, Финляндия, Франция, Эстония и др.) литературной периодике. Основные публикации последних десяти лет в журналах: «Арион», «День и ночь», «Звезда», «Зеркало», «Дети Ра», «Зинзивер», «Иерусалимский журнал», «Интерпоэзия», «Крещатик», «Нева», «Новая Юность», «Новый берег», «Новый журнал», «Новый мир», «Новый свет», «Сибирские огни», «Слово\Word», «Урал», «Homo Legens», «Юность», билингве «Антология русской поэзии начала XXI века» (YMCA-Press) и многих других. Лауреат премии им. Анны Ахматовой (М., 2012), финалист международных конкурсов стихотворного перевода «С севера на восток» (Хельсинки, 2013 и 2016), дипломант литературной премии им. А.А. Ахматовой (СПб, 2015), 4-е место читательского рейтинга Журнального Зала за 2019 г., лауреат международной премии им. Э. Хемингуэя (Торонто, 2020), лауреат журнала «Чайка» за 2021 г. (номинация «Поэзия», Вашингтон). Живет в Санкт-Петербурге.

СЛЕВА И СПРАВА

* * *

Родственники: брат в Питере, в столице — сестра,
Еще сестра жила в Денвере, штат Колорадо.
Все — двоюродно-дальние... Жизнь наша так пестра,
Что уточнять степень родства, пожалуй, не надо.

О той, что в Штатах, даже точно не знаю, жива?
Все же лет десять, как заглохла с ней переписка.
Старость берет свое и вступила в свои права,
К ней не предъявишь претензий и не подашь иска.

Мэйл не сумела освоить. Письма писать? — уволь...
По электронной-то как-то привычней и глаже...
Не вспоминаю почти что, но за грудиной боль.
Штат Колорадо... Денвер... Не представляю даже.

* * *

Не нужен цирк тому,
Кто отслужил без лени.
Что клоуны ему...
Прыжки их на арене?

Порубят Бом и Бим
Себя пусть на жаркое...
Он, старшиной храним,
Видал и не такое.

Ему, что хошь кричи —
Что крики и проказы?
Он вскакивал в ночи
Под крик истошный: Газы!

...Вот клоуны на «бис»,
Как черти из пробирки...
Угрюмо смотрит вниз
И не смеется в цирке.

* * *

Австралия, Бразилия, Цейлон...
То бишь Шри-Ланка (и туда не худо) —
Туда, где примут, но отсюда вон,
Куда-нибудь... подальше отсюда.

Согласны и на Кипр... Мадагаскар...
Пусть Новая Зеландия... Таити...
Но только не бессмысленный кошмар.
Отправьте нас туда, куда хотите.

От лжи привычной... нравственных потерь.
Ни на кого не затаим обиды.
Но только не когда-нибудь — теперь.
Пошлите хоть на Новые Гебриды.

А если что-то в ткани бытия
Вам не дает дожить свой век на Крите,
Губу упрямо закусив, как я,
В который раз со мной перетерпите.

РАССКАЗ ПАЦИЕНТА ИЗ СОСЕДНЕЙ ПАЛАТЫ

Кто хоть раз побывал на Луне,
Знает, что там живут селениты.
Это было известно вчерне
Век назад. Хоть Уэллса возьми ты.

Живут, естественно, под луной.
В смысле — в глубине этой планеты.
Нас обходят всегда стороной,
Когда выходим мы из ракеты.

И то сказать: говорить о чем?
Космоплан им чужд, как и карета.
Селенит, обернувшись лучом,
Может лететь со скоростью света.

Интереса к нам с их стороны
Нет никакого. Что им Земля-то?
Впрочем, и мне до этой Луны...
Признаюсь вам... слегка виновато.

Так как бывал там десятки раз —
Ничего интересного, право.
Другое дело, конечно, Марс...
Фобос и Деймос — слева и справа.

У марсиан есть свой интерес:
Наши станции ими посбиты.
Своих Аэлиток уводят в лес,
Целее будут там Аэлиты.

Правильно, честно-то говоря:
Наши — насильники... сквернословы.
Землю свою загадив зазя,
И Марс изгадить они готовы.

Но лес — это так... одни слова,
Лишь подлесок... кустарник прибитый.
Он и на Марсе виден едва —
И кому он послужит защитой?

В общем, есть основания у них
Чинить препятствия нашим планам.
И в эту тему последний штрих:
Бродил я там по ихним барханам.

Радость та. Но держу про запас:
Аэлиты пригожи... поверьте.
Кто повидал их хотя бы раз,
Тот не забудет до самой смерти.

Тот к ним вернется, преодолев
Силу Земли, молодым ли, старым.
Точно крылатый, сказочный лев...
Не удержать никаким санитарам.

* * *

Пушкин, убивающий Дантеса, —
Прямо скажем, странный вариант,
Ну совсем... совсем другая пьеса.
Не позволит слабый мой талант

Написать ее. Мне даже в малом
Нити эти не соединить —
Не с моим умом, моим запалом...
Ускользает порванная нить.

Ты представь, Дантес стреляет мимо,
А Поэт — не мимо: прямо в лоб.
Позабыты письма анонима,
И Дантес без шума сходит в гроб.

Дамы ищут новые сюжеты,
Новый им скандал достань и вынь.
Подрастают новые поэты...
Что-то здесь не сходится... Прикинь:

Лермонтов не пишет «...Смерть поэта»
Не отправлен, бедный, на Кавказ.
Эта историческая смета,
Этот поворотец что припас?

Михаил представлен Александру
И, само собою, — Натали.
Кадр не могу приставить к кадру,
Говорю сюжету: — Отвали!..

Но Наталье любы офицеры,
А кругом засилье светских рож.
Ростом мал, но дам влекут манеры...
Пушкин — не Мартынов он, и все ж...

Что же — пристрелить и Михаила?
Надо бы одуматься, но нет —
Лермонтова ждет опять могила,
Вновь в земле, и вновь в расцвете лет.

А напишет кто «На смерть Поэта»,
Заклеймит позором светский круг?
Горы и черкесы не воспеты,
Все накрылось медным тазом вдруг.

Пушкин постригается в монахи,
За молитвой протекают дни.
В келье он, повержен, он во прахе,
А стихи забыты. Что они?

Натали выходит за Ланского —
От поэтов всяких в стороне.
От итога пошлого такого
Как-то неуютно... зябко мне.

Выше написал: талантом слаб я.
Я предупреждал... и вот... и вот
По щеке слеза сползает бабья:
Не поднять мне темы разворот.

За бездарность — вот моя расплата:
Пусть все остается, как и есть.
Пушкин мертв, Дантес отбыл куда-то —
Не в убытке лишь стихи и честь.

* * *

Из нас из всех жизнь повыбивала дурь
И преуспела в этом чрезвычайно.
С бабы ромовой ты объедал глазурь,
Так и она... Как смешно и печально.

Впрочем, все аналогии тут смешны,
Но зато иллюзий нету теперь — кроме
Той, что всяких иллюзий мы лишены,
Как говорят, крепче мы на изломе.

А это не так... ну уж совсем не так.
Надеешься на уход свой ранее,
Чем упадок разума кинет во мрак
Растительного существования.

А, собственно, кто это нам обещал?
Лично тебе кто давал гарантию?
Как и всем остальным уже овощам,
Надеявшимся на хиромантию,

Посулившую долгий и славный век
Тебе, лишенному всяких иллюзий.
Среди точно таких же, как ты, калек,
Не пришедших в себя после контузий.

* * *

Как долго тянулась жизнь...
и как быстро она прошла...
То гирею на ногах,
то пустым завиточком дыма.
Сверкнула перед глазами...
мелькнула — и все дела...
Ласкала, таскала, нежила...
мучила нестерпимо.

В жизни был каждый момент
свободы и счастья редок,
Нет, я не скажу: вернись —
Зачем мне такая вторая?
Чтобы мог заглянуть ей в глаза,
хотя б напоследок,
Я прошу: обернись ко мне,
так тяжко меня карая.

Берегла до поры,
 Казалась диковинным зверем.
Взгляни же на миг в глаза,
 со всех ног от меня сбегая.
Я выдержу этот взгляд —
 хоть в этом-то я уверен.
Прощай, уходи насовсем...
 прекрасная и нагая.

НОВОГОДНЕЕ ПОЖЕЛАНИЕ

Вам — всего, что быть может испрошено:
Счастья, радости, светлых удач!
Сквозь летящее снежное крошево,
Время, суть свою нам обозначь.

Суть: наш мир создан не для воителя,
Напоившего кровью мечи...
...Это все — не мечта сочинителя?
Не фантазия в снежной ночи?

Дай нам знать, что насилие временно,
И добро не затоптано в грязь,
Что земля наша миром беременна.
Ощутить неразрывную связь

С нашим прошлым, далекими предками,
Всеми теми, кто жил здесь до нас,
Кто не знал нас... застал малолетками,
Теми, мир кто возделал и спас.

Дай поверю хотя бы сегодня я,
Пусть надежда моя и странна:
Принесет эта ночь новогодняя
Мир, и землю покинет война.

Дай нам сил, встретить утро январское,
Веря: время наступит теперь,
Как даянье Господнее... царское,
Без кровавых побед и потерь.

* * *

Зимою какая возможна стратегия или тактика?
Когда не то, чтобы Солнце — а вся наша Галактика,
Увязая в снегу, замедляет свое вращение,
Вымаливая у Черной Дыры в центре
хоть какое-нибудь прощение.

Зимою, когда гололед не дает достичь световой скорости,
Когда особо одолевают всякие хворости,
Что продумывать каждый свой шаг на раскисшей плоскости?
Надо выйти в пространство, сделать шаг
от самого края чертовой пропасти.

Зимой ясно зришь: не будет больше весны, лета и осени,
Ты богооставлен — тебя Всеблагие здесь бросили
На вечное прозябанье в этой северной местности
Озирающим в невыразимой тоске
тонущие в снегу окрестности.

Зимой надежды оставь дуракам и последним «ботаникам».
Кукиш с маслом кажи всем твоим дорогим наставникам,
Которые в простоте горы золотые прочили.
Но черт поberi — может, доживем до сентября...
и такое все прочее.

* * *

На душу не возьму греха... простого срама,
Ни явной болтовни, ни скрытого вранья.
Какой там из меня профессор Фукуяма? —
Конец истории не предрекаю я.

Не думаю, что я мудрей его... хитрее.
Я всех его статей, увы, не прочитал.
Но просто боевик в далекой Эритрее
Понятней мне его, прозрачный, как кристалл.

Он знает что к чему. АК ему за брата.
Он ближе в чем-то мне. В себя я загляну,
И что там говорить: там не ума палата,
Я вижу там раздор и вечную войну.

ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ ИЗ ЦИКЛА «СОВСЕМ ПА-ДЕЦКИ»

1

Ты помнишь: идем мы домой,
Где нас поджидает хромой,
Сосед, охромевший по пьянке,
Он вечные сушит портянки.

Прохожих встречаем все реже...
Он с финкой, но нас не зарежет.
Я помню петлистые уши...
Нет, он не зарежет — задушит
Чуть больше полвека спустя.
Глаза его жутко блестят.

Нам он не простит хромоту...
Он пальцем ведет по листу
Газеты, где космополиты
Убили... иль сами убиты.
Хромой с этой тайной повит:
Он знает, кто космополит.

Он счет ведет иноагентам.
Он — Аурум, Купрум, Аргентум.
Слепой он, глухой и немой...
...Темнеет. Идем мы домой.

2

Одно утешенье осталось:
Стихи эти... просто стишки.
Какая пустяшная малость.
Набей ими сумки, мешки,
Таскай их везде за собою
Сквозь самую мрачную ночь.
Помогут с бедою любой
И справиться, и перевозмочь.
Одно утешенье под старость,
Совсем они не пустяки,
И вовсе не блажь и не шалость,
Иначе мне жить не с руки.

* * *

Дворник гонит по двору желтый лист трубою.
К трубному привыкнуть как стону, визгу, вою?

Желтая бежит листва, воздухом гонима.
Нет таких волшебных труб даже в сказках Гримма.

А на деле братьев Гримм было даже двое...
Я послушаю еще, да и сам завою.

В полночь не дает заснуть, будит до рассвета.
Жаловаться тут кому? Что сказать на это?

Дворник в чем тут виноват? Взял, что дали в руки.
Воет адская труба... Боже, что за звуки!

Листопад не обвинишь — вот, терпи до смерти...
А труба все воет... так, словно в пекле черти.

* * *

— Папа, если мы убьем всех плохих людей,
останутся только хорошие?
— Нет, сынок, — останутся только убийцы.
(Из разговора)

Пусть никогда не затуманит наше зрение
Ни правый гнев, ни гордое презрение.

Пусть волны даже самой благородной ярости
Минуют нас... хотя бы лишь и к старости.

Пусть ненависть не ослепляет нас наплывами.
Темно в глазах? — не быть нам справедливыми.

И пусть неистовое наше возмущение
Покинет нас, оставив лишь смущение.

Пусть нас не запугают призраки миражные —
Их переступят воины отважные.

Те миражи и грезы о святом возмездии...
История по тропам этим ездila.

Но все читали в юности своей, наверное,
Как реки крови пролились безмерные,

Когда в реальность
 воплотились все красоты,
В земное воплощение справедливости.

Вы всех врагов своих
 и в медный грош не ставите?
Врагов, которых сколько букв в алфавите,

Зовущихся жидомасонами... шпионами —
И все они достойны быть казненными.

Все это очевидно так... до обалдения.
Нас обступают грозные видения

Тех лет пылающих, на чьем огне горели мы.
Но мы не странники без роду и без племени.

Мы шли поодиночке, верили по-разному,
Но в Разум верили... не доверяя разуму.

Не по пути нам со слепую страшной верою...
Нам всем воздастся нашею же мерою.

* * *

На Полюстровском проспекте,
 на проспекте Металлистов
Понастроили тут вышек —
 и на кой они все ляд?
Я читал про эти башни —
 нрав их бешен и неистов,
Целый день с утра до ночи
 излучают и гудят.

Но на сотовые вышки
 нет законного запрета,
Излучают — значит надо,
 от раздумий нас уволь.
И простым хорошим людям —
 фиолетово все это,
Лишь у выродков поганных
 в голове от вышек боль.

Суверенным демократам
 не опасны эти вышки,
Винни-Пухам с их мозгами...
 Для опилок — все фигня.
Есть от башен этих плюсы;
 из домов уходят мышки.
Даже мышки... даже крысы
 их боятся, как огня.

Так что в общем все мы в плюсе:
 без мышей и без уродов.
Жизнь безоблачная — праздник,
 праздник Славы и Труда.
Вечером — салют и брага,
 и раздача бутербродов.
Мы у вышек, в круг собравшись,
 крикнем хором: Да! Да! Да!

Поэт. Родился в 1961 году в Казахстане, вырос в Азербайджане, долгое время жил в Сибири. В настоящее время — в Санкт-Петербурге. Окончил медицинский институт, преподавал в нем же. С появлением первых персональных компьютеров в России стал программистом. Стихи публикует редко, главным образом — в интернет-изданиях. В свободное время — вебмастер и редактор интернет-проекта «Сетевая Словесность».

ПО СТОРОНАМ СВЕТА

ВСТРЕЧА НА ПОЭТИЧЕСКОМ ВЕЧЕРЕ

Как словно вечности кочан,
Так многослойно-многословна
Вся речь твоя — черна, условна.
Зловец словарный твой колчан.

Вещаешь ты из темноты
Перекоруженной вселенной.
Ядоголосая сирена,
Я догадался: ты — не ты,

Моя любовь из той поры
Бесхитростной прозрачной речи.
Теперь в урочищах наречий
Гремят грамматик топоры.

Поэта топит пиитет
К словам и губит поэтессу.
С тобой нет места политесу
И невозможен паритет.

МЕРА СЛАВЫ

Откинув челку за плечо
И вскинув руку а-ля Пушкин,
Поэт поэму нам прочел.

Бренчали рифмы-побрякушки
И ямб настойчиво стучал
Нам в души — хоть беруши в уши.

Как на скаку барьер берущий,
Летя к финалу от начал,
Он завершил свой звонкий труд
На верхнем ля.

Стреляли глазки,
Летали чепчики, подвязки
Девиц
И хлопали ладошки.

Но был поэт — обэриут
И презирал девичьи ножки.

...

А критик тезу очинял:
Кому девчонки не визжали,
Едва ли попадет в скрижали,
Какую б чушь ни сочинял.

МИССИЯ

Паясничать, злорадствовать, острить
С иронией, с сарказмом и подначками.
Высмеивая жизнь с ее подачками,
Стендаперы, искря, палят костры.

Страхни, душа, вериги сожалений
О прожитом, остынь от суеты
Вокруг пустых надежд.

В сердечной лени
Душисты равнодушные цветы
Колючих шуток, исподволь язвящих
Любого, кто порхнул на аромат.

Отчаянно быть честным, настоящим,
Юродивым паяцем — да, но вяще
Поэтом, зарядившим автомат
Презрением к серьезности порожней,
Искря, палящим по картонным рожам.

ДУХОВНЫЙ РОСТ

Не все стихи,
Порою проза,
Порою просто
Мысли вслух.
Словечки прорастают, словно просо,
Взрыхляя мозг...

Когда-то сер и сух,
Мозг зеленеет и сочится влагой
И размягчается в вербальный перегной.
Я мозгу — рупор.
Я словам — бумага.
Я тесен текстам, вымученным мной.

Слова, слова.
Я подаю сигналы
Вселенной. Космобог, прищулив глаз,
Читает пролетающие файлы
И думает нелестное про нас.

Вещать Слова — прерогатива Бога.
Отсохни, мой язык,
И обострись, мой слух.
Внимать и чувствовать,
Не лепетать убого,
А трепетать...

Когда-то сер и сух,
От праха слов мой отряхнулся дух
И ну расти —
Высоко и глубоко.

УТРО

Перебираю строки снов,
Перевирая каждую.
Сны рядятся в оборки слов,
Теряя в них то важное,
Необозначенное,
То,
Что порождает в снах вселенные —
Жемчужны, розовы, сиреневы —
Где звук беззвучен,
Речь ничто...

Язык мой учится смирению...

В ГЛУБИНЕ ГОДА

Сосны в конце ноября,
Темные духи тумана,
Тающие вглубь экрана,
След пустотой серебра.

Это немое кино —
Как разлагается осень.
Белым туманом заносит
Кухонное окно.

Вроде, давно уж не внове:
С осенью не умирать.
Есть еще кофе, вино и
Планов отважная рать
Полнит тугой ежедневник.
Вижу весну впереди —
Славы, возможности денег
И продолженья пути.

Пальцем вожу по стеклу.
Вижу, как в теле тумана
Солнца разверстая рана
Затягивается.
Во мглу.

* * *

с востока
свет такой —
весь запад
в золоте

В ТУМАНЕ НЕМОТЫ

Все еще мысли и чувства.
И смыслы,
И замыслы.
Не осязаемы, чужды,
Не воплощаемы в речь.
Словно безмолвное чудище
Спряталось в темные заросли
Непроницаемой памяти —
Немочь мою стеречь.

Сад мой, словарь мой осенний, светлеет невесело.
Жухнут слова, обесцелясь,
Цвет отдавая земле.
Косноязычие разума.
Невыразимое месиво.
Мысленное мычание
Таит бесплодно во мне.

...Юнец с электрической лирой,
Легок в поправанье основ —
Помню, словами жонглировал.
Только не помню слов.

Поэт. Родился в 1962 году. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького. Печатался в журналах «Новый мир», «Арион», «Москва», «Дети Ра», «Юность», «Зарубежные записки», «Интерпоэзия», «Волга», «Зинзивер», «Новая юность», «Футурум АРТ», «Литературная учеба», «Крещатик», «Подъем» и других. Автор многих книг стихов и прозы. Победитель Международного поэтического конкурса «Перекресток» (Германия) журнала «Крещатик» (2007). Обладатель Специального приза Союза российских писателей Международной Волошинской премии за лучшую поэтическую книгу года (2010). Лауреат премии журнала «Дети Ра» за лучшую поэтическую публикацию года (2011). Лауреат премии литературной газеты «Поэтоград» за лучшую поэтическую публикацию года (2011). Лауреат премии газеты «Литературные известия» за лучшую поэтическую публикацию года (2014). Лауреат премии «Писатель XXI века». Член ПЕН-клуба (Русский ПЕН-центр), Союза российских писателей и Союза писателей XXI века. Живет в Воронеже.

ПЕРЕКЛИЧКА ПОЭТОВ

ФОРМА ЯБЛОКА

* * *

«И в самом деле все еще среда? —
очнувшись вопрошала Саломея. —
Какого мы заехали сюда,
о смысле представленья не имея?

И на краю рассудка и земли
расположились запросто — как дома.
Как, милый мой, с любовью не юли,
она одним успением ведома.

Мне по-любому в пятницу к отцу,
чтоб танцевать в insultном до упада.
Где поколения бродят по кольцу,
удел предтечи — слабая отрада.

Вот и не мни себя творцом времен,
простынку мни в гостинице со мною —
до четверга безумьем okayмлен
расклад вещей с подсветкою иною.

И хорошо, что ты не Иоанн —
игра имен доводит до предела...
Пусть лучше усекается роман,
но существует прожитое тело».

«Ты не права, — отвечивал сквозь сон
подвядший соблазнитель и проказник. —
Пусть все на свете ходит колесом,
виной вращенью — кажущийся праздник.

И если тело прожито навзрыд,
негоже длить риторику рыданья —
за ним не слышно пенья аонид,
не видно артефактов мирозданья.

Но в то же время — это полный бред
пренебрегать коротким даром речи,
когда тебе уже сто лет в обед
и вечность опускается на плечи.

Конечно, я не в дружбе с головой,
но жажды видеть оную на блюде
при всем при том лишен как таковой —
на то даны особенные люди.

Но мне ль тебе об этом говорить?
Я не бывал ревнителем ни разу,
и кровообращенье — только нить,
за фразой вызволяющая фразу.

И если нарушение у отца,
то нечего носиться с именами —
ведь вовсе не для красного словца
воскресный призрак зыблется над нами.

И дни недели скопом к одному
бесспорному стекаются итогу —
и ты глядишь во временную тьму
и видишь неизменную дорогу».

* * *

Утро приходит сквозь птичью речь
к частым штакетникам здешних дач
радость привадить, беду навлечь
и ничего не решить — хоть плачь.

И у подбрюшья июньских туч
тутошний тает в листве Морфей,
радостен и на беду летуч,
вкрадчивых и шепотных кровей.

Щебет во мгле, тополиный пух.
Не умирай — выбирай из двух
необоримых окрестных зол —
сон ни о чем и скупой подзол.

Ересь и сизая кровь с утра,
многоголосие из вчера.
Птичье летучее молоко —
чтобы во сне забывать легко.

Белая, в пенках его, листва.
В воздухе не различить слова.
Кровь сочетается с молоком.
Просто — и пьется одним глотком.

* * *

Автобус тащится по низким облакам.
Сквозные страхи остаются по бокам.
И пассажиры косо смотрят в никуда.

Им непонятен этот выбор кольцевой,
Где что бы ни происходило с головой,
все на поверку лишь летучая вода.

Водила не переживает за маршрут,
где обилеченные врут, что не умрут,
по расписанию растворяясь в молоке.

Пусть колымага и забита через край —
здесь общий легче переносится раздрай,
и даже кажется, что едут налегке.

Смешно сидения и поручни делить.
Но из салона эту страсть не удалить —
на небе прежний продолжается дележ.

И все прекрасно понимают, что в окне
одно подсвечивает каждому извне,
но каждый мертво на соседа не похож.

Автобус вздрагивает, рвется, истерит,
живой до жути создавая колорит
к очередной посадке стынувших внизу,

что собираются, ни живы, ни мертвы,
окрестной численностью выше головы
и вышибают бесполезную слезу.

Перемещается ватага зябких душ
из мира яблонь облетающих и груш.
И откровенно забываются цветы.

Лишь черной туче форма яблока дана,
где все не упоминают имена,
но видят все похолоданье с высоты.

Хлопочет бравый тарантас, неудержим,
но скоростной не изменяется режим
и по бокам не убывают облака,

что изумительно похожи на плоды,
но состоят из очевидной ерунды,
и лишь дорога между ними высока.

* * *

Заряжая сердце проходкой ранней,
физкультурой, очередной диетой,
словно в ересь впасть в череду стараний
соблазнительно по раскладке этой.

Время рвет и грешного, и святого,
наполняет сутки вином и кровью...
И кулачный Ельцин, очнувшись снова,
роковой наносит ущерб здоровью.

Странно в рамках сбившегося канона
жить как вышло и незаметно выйти —
на авось захаровская Юнона
от родного Брежнева тянет нити.

Кашпировский определяет веско,
и Чумак ладонями множит пассы...
И летит безудержных дней нарезка
за границу памяти мимо кассы.

Это было очень давно и глупо,
и сегодня более чем понятно —
никому не требуется лупа,
чтоб узнать на выцветшем солнце пятна.

Чтобы Хронос не избежал подвоха,
Чтобы Танатос оставался с носом,
в размышленьях, что это за эпоха,
нужно бечь по рывтинам и откосам.

Смоктуновский смотрит как будто знает,
и Милляр хохочет как будто видит,
что Олимп любви покорен и занят,
но из этого ничего не выйдет.

Остается лишь укреплять сосуды,
догонять, что свежего дня светило,
где из мелкой зелье не шло посуды,
все до дна веселие поглотило.

И морочит голову Игорь Кио,
Рост растит реальности отпечатки,
чтоб надменная и блажная Клио
в пух и прах старалась на спортплощадке.

* * *

Где бог вечерний, свет вчерашний, жар грудной,
за средостением двуглавый абрис чуда —
пока звезды на небосводе ни одной,
сквозное зрение приходит ниоткуда.

Прозрачным к полночи становится предмет,
пустым — понятие, смешной — фигура речи,
как будто тьма — один-единственный ответ,
что без вопросов принимается на плечи.

Она воистину несколько не страшна
и удивительными вспышками чревата,
когда Великая Китайская стена
видна и детям без отрыва от Арбата,

несносна взрослым, выбирающим отрыв,
преображение, попечение безнадёги
и привилегию терзать гитарный гриф
и напевать об отменяющемся боге.

Перенастраивая оптику и слух,
он сквозь разрывы откликается незримо
и утверждает картографию разлук
к востоку от перешароханного Рима —

на рубежах самостояний визави
под патронатом несусветного объятья,
где призрак родины куражится в крови
и тонут в ней развоплотившиеся братья,

где наваждение гнездится в мозжечке
и шатким шагом маршируют обещанья,
и божья милость убывает налегке
без тягомотного и лишнего прощанья.

* * *

Когда вчерашние в бега
стремглав пускаются любви
по скользкой памяти врага,
для слез придуманного внове,

то не понять, куда течет
печаль, и что все это значит —
когда минувший день не в счет,
а новый вроде бы не начат.

Когда стирается черта
между теченьем и значеньем,
то ангел с пеною у рта
богатство делает ничейным —

всю роскошь бешеных ночей,
все драгоценности разлуки —
и егоза, и книгочей
в ничто протягивают руки.

И сочинитель, и швея
всего свободного и злого —
и всюду выкройка своя
и окончательное слово.

Обуревают новизна,
в ушах шумит от неполадок.
И даль до дрожи не ясна,
но воздух отповеди сладок —

есть что-то этакое в нем,
передоверенное чуду...
И нужно делать ход конем,
а не разбрасывать посуду.

И нужно что-то учудить,
перенастроить, отчебучить
вместо того, чтобы чадить
и дымом родственников мучить.

Ведь на войне как на войне —
и позабыто все, что было.
По чьей затравке и вине
в глазах от радости рябило?

Ведь предстоит вести огонь
без сожаленья и пощады...
И если скор твой бледный конь,
любви выплакаться рады.

* * *

«Знаю до дна, что чистое — не мое.
Смолоду на дух не выносил святош,
призванных грязное перебирать белье,
но упакованных в свежие тряпки сплошь.

Не понимаю, есть ли секрет в грязи —
той, что сверкает истово при луне,
а подойти — почти что горит вблизи
и заменяет будущее вполне.

Подозреваю в этом намек на то,
будто бы время произрастает из
злом и добром испачканного лито —
даром потом успенья пошли на бис...

Предполагаю, как безнадежно дик
словом легко марающий времена.
Но сочинитель — нынче почти старик,
а сочиненьям олуха грош цена».

Невозмутимый, с горьким прищуром взгляд,
непоправимо гиблый провал глазниц —
будто в груди теснится небесный яд
вне календарных выкладок и границ.

Дружба, понятно, слабая с головой.
А у кого с годами крепчает связь?
Даром очнешься в будущем чуть живой
и заблажишь, историей становясь.

Даром про исповедь речи никто не вел —
не подбивал, не требовал, не просил...
Страшное дело — вневременной глагол —
взрывоопасный в звуке избыток сил.

Даже когда это яростный звук пурги,
что беспрерывно гонит случайный тип
в полной печали, будто кругом враги,
и потому он в эту непруху влип.

Будто кругом лишь божий сплошной обман,
и ничего не значит грудная речь...
И отстирать лишь в пене подземных ванн
это возможно, если туда залечь.

* * *

Меж кромешных душ настороже,
вымышленных жизней посреди
в неопределенном падеже
прежнее маячит впереди.

Зарекайся с прожитым дружить,
как бы ни приваживала жуть,
инвентаризируй падежи,
заново выкраивая путь.

Перепрофилируй времена,
подводя безвременью итог,
где вовсю обратная видна
перспектива вышитых дорог —

все хозяйство неба и земли
состоит из нитей в никуда,
где какую сказку ни мели,
в звукоряд врезается беда

под категорическим углом
зренья, пораженного в правах,
и живая девушка с веслом
каменный испытывает страх —

счастье наклоняется к лицу,
молот наклоняется к серпу,
шастают речевки по кольцу,
по-хозяйски балуя толпу.

И в округе разве что глагол
не намерен голову склонять,
но завхоз итожит протокол,
стрелки поворачивая вспять,

о слепых намереньях души,
физкультурных радостях навзрыд,
где кричат «ура» кибальчиши,
заглушая пенье аонид,

парки зашиваются оплечь,
чтобы производственный процесс
позволял в сырую землю лечь
без тоски по близости небес.

И пока грамматика гремит
и цветет как праздничный салют,
поступает импортный гранит,
и его по льготе выдают.

* * *

Лето случится славным наверняка.
Сколько кружить безумью и жировать беде?
Прянет крошечный свет, расступятся облака,
и на потешном вспомнится все суде.

Будто судить дано лишь из ясных дней,
все расставляя вослед по чужим местам
и убеждаться сдуру, что так верней —
только вчерашний воз и поныне там.

Перестановки, ясно, что не спасут —
лишь раззадорят полного мудреца,
чтоб вопреки всему был нестрашен суд
и выгорало впредь не терять лица.

Грянет июнь листвою гробовых времен,
заполонив зрачки первачу чернил,
что различать с рожденья приговорен
в лиственном шуме ропот безумных крыл.

Но западает издавна на тепло,
раннюю зелень, позднюю правоту,
дальнее оглушительное «алло»,
привкус портвейна давешнего во рту.

Пригород счастья, где теневая сеть
не сбережет в ячейх чумную речь,
что за грудиной камнем слезы висеть
только и может, но не сильна сберечь.

Ветви заполнят небо, вrastут в зенит,
правды и кривды станут игрой теней...
И никакая толком не объяснит,
что на свету бесславья творится с ней.

* * *

Словно на просвет из глубины,
руслу обобщения назло
мелкие подробности видны —
стало быть, со зреньем повезло.

Свет не означает ничего,
и равно течение себе.
Сна береговое вещество —
безусловно, главное в судьбе.

На помине сумерки легки,
ночь для расставания мала.
Жизнь прошла по берегу реки,
и вода посмертно зацвела.

Самообольщение любви,
перепроверяющей распад —
как речную гниль ни назови —
на земле не ведает преград.

Потому орудовать во сне
призвана текучая душа,
к устью направляема извне
и непослушаньем хороша,

и опасна дикой слепотой
над соцветьем высвеченных вод
в омуте обманки золотой,
где прощанья не произойдет,

где за смрадом радость обещать
исподволь обучены сполна
юности воздушная печать,
памяти цветочная волна,

тесная субстанция слезы,
зыбкая локация родства,
бравая просодия грозы
над исчезновеньем вещества.

* * *

Подруги вдали различимы едва —
параметры страсти смешны.
И там, где вчера бушевали слова,
сегодня разгул тишины.

Загульный период вселенской тоски
решительно был бы хорош,
когда не давила бы кровь на виски
и ставилось счастье ни в грош.

И ложь во спасение, где не спасти
от календаря ничего,
у памяти в необъяснимой чести
и входит в ее вещество.

Я не комментирую частности сна,
который и снился едва ль,
когда норовит чумовая весна
сместиться почти на январь.

И пафос, не свойственный ранней зиме,
цветет вопреки и назло.
Роскошные тени гуляют во тьме,
но зренье уже отцвело.

И если купаются блики в любви
ко внекалендарным делам,
что может ответственность их визави
сквозь нынешний глядя бедлам?

«Я не различаю, и впредь не хочу —
всю оптику видел в гробу —
единственно так дураку по плечу
свою одурачить судьбу.

Я не существую во всех временах —
единственный выдан расклад,
где пух неизвестности легче, чем прах,
но кто этой легкости рад?»

Поэт, прозаик, переводчик, художник. Родился в 1946 году. Один из основателей и лидеров знаменитого содружества СМОГ. В советское время публиковался только в зарубежных изданиях. Переводил поэзию народов СССР. Стихи и проза на Родине стали печататься в период Перестройки. Публиковался в журналах «Дети Ра», «Зинзивер», «Знамя», «Новый мир», «Октябрь», «Континент», «Огонек», «НЛО» и других, в различных антологиях и сборниках. Автор многих книг стихов и прозы. Лауреат премии имени Андрея Белого. Живет в Москве и Коктебеле.

СОПОСТАВЛЕНИЯ

Поэма

I

Я уже опоздал
на скамейке ищи виноватых —
поднялись поезда
небеса опоясаны ватой

кровь из горла и вдруг
тишина отыскалась такая!
желтым лугом вокруг
как сердечком ромашки босая

не задумчив никто
но бредут полукружием сиясь
разрывают пальто
и себя предлагают на вырост

сколько снега и все ж
белой грудью изранишь и скроешь —
Рождество началось
это раны Христовы с тобою

жди — и в жизни велик
с волосами как мох провожатый
на волынке отвык
на завалинке спит за ушатом

или свечку зажег
чтобы церковь была незаметней
бороδοю не смог
чередою просаживал бредни

расскажи научи
миром правит и родину ищет
что ножи горячи
хороши поутру голенища

иногда среди хат
постовые поют по наитью —
успокоят простят
поведут ненароком за нитью

что забытое рвем
в черной пряже белесые нити —
научите вдвоем
оглянитесь и вновь оглянитесь

и флажком подмигнув
убегают хватаясь за сходни
остальное вернув
оставляют еще на сегодня

тишина или стриж
поднимается медленно слясь —
полукружие крыш
полумесяцу словно на вынос

нараспашку и вновь
белокровием болен сначала —
это с нами любовь
чтобы знали когда различала.

II

У нас зима на поводу
но то и дело год от года
бывает ветрена в бреду
такая лунная погода

замерзших пальцев хруст слегка
прикосновение улыбки
ладони маленькие зыбки
недоумение сверчка

все глуше скрипок небеса
на белокурые вечерни
и только снег намечен в черни
припоминая голоса

но что за сумерками впредь —
ограды в иглах осторожны
прохлада россыпью острожной
и невозможно посмотреть

скользя все выше поясок
кольчужной долькою расправлен
органа лиственного вправе
голубизной наискосок

захлестнут кольцами в залог
на безымянном пепелище
столицы символ неподвижен
с архангелом единорог

и только волосы твои —
созвездия сухая накипь
трамваев ягоды в накрапе
бокалы круглые любви

и только сутолоку рви
на переплете Часослова
рябины врозь и бирюзова
резьба разумная листвы

румянец утренний пруда
рогатый оборотень моды
пора игорная природы
стрекозы уличные льда.

III

Там бумагой обернув
шишку розы краснощекой
запороживал туман
галерею и балкон
были волосы в плену
с поцелуями упреки
белокровие домам
прививали вечерком

балалайками взхлеб
колпаками наудачу
не разбужен великан
ног дымился серпантин
это шиворот-сугроб
переулками судачит
узелками по рукам
и чудачит на пути

отыгравшие в лото
сыплют титрами названий
завернувшийся в пальто
на локтях оставив мел
пробирается в лоток
говорят криворожане
остановлены потом
дотянулся не успел

ты заранее устал —
в пуховой платок уткнувшись
с чемоданами в упор
пассажирам по чинам
грудью бросился вокзал
доставая дотянувшись
ограниченный укор
хлороформа простыням

подколотных лиц и пчел
комариных крыльев пятна
не акация близка —
переплеты снов и шпал
перелета шквал — и школ
окружение понятно
осторожнее слегка
ты заранее устал.

IV

*И проходило это ощущение
и принимало зримые черты
акаций розоватое свечение
упрямое как детские мечты.*

Лиц подколодных тяга к ремеслу —
лишь только локтем приоткроешь раму
британский лев лежит у фортепьяно
и приглашает рыцарей ко сну
кричит петух играя гребешком
танцуют кони падают монеты
кто с посошком кто в шапке пирожком
матросским лентам дельные советы

кому звезда кремлевская сродни
как в терцию побашенно умножив
мне целый мир вторжения дороже
а нынче только руку протяни —
и я коснулся милых завитков
и колыбели выравнивал значенье
что изменилось летоисчисленье
и нарушались мысли знатоков

я числа не разменивал графой
меня велели спрашивать на завтра
я свечи нес и примирялся автор
что со святыми радость успокой —
в подвалах пыль китайские зонты
раскосых паутин и сочетанье
единых входов общей пустоты
и выхода кривое очертанье

несумерки Аиду не родня
но циркулем раскинув теорему
приятели журили королеву
но тоже напролет не для меня —
потом передавали цветникам
в жилых домах устраивали стирку
перебирали выдумки впридирку
и заводили кольца женихам

еще цвела сирень глухонемая
гладильных досок изменялся лоск
и в глубине касательных кривая
едва дыша морочила до слез —

на самом дне горбатились тюльпаны
горели клумбы щелкало крыльцо
я выбегал и медлили горланы
и только скрипки прятали лицо

бывало так что к полудню на лучшем
застольном месте сиживал никто
темнел плетень и свертывались лужи
на лакомых калачиках лото —
среди подков повисших в отдаленье
узор сквозил сквозь редкие стежки
крошился хлеб с вареньем к удивленью
и никому не сглаживал строки

несли в тарелке позднюю малину
враскачку груши толковали сон
шептались души значились долины
как торс в гробу лежал аккордеон —
от перламутра вымокла салфетка
и не остыла ели синева
когда юлило лето напоследок
и целый век кружилась голова.

V

*Тучи ушли на запад
бок земле холодя
только остался запах
спелых капель дождя.*

Всегда живут в моем воображенье
корзинщики веселые Стамбула —
не потому ли мальвы хорошели
когда из детства славный грек Замбуло
еще на венском стуле восседает
и попугая с ложечки не кормит —
всегда на завтрак груши наворачивают
и к сроку в краску только бы при шелке
на блюдечке увядшими цветами
оставлен отпечаток пересохший —
размытое стекло течет вповалку
и оплывает мутным стеарином
знакомый палисад роняет стебли
не выбирая только бы посуше —
неразбериху этажерки вижу
и добрых книжек тонкие страницы
среди которых изредка случались
немодные кафтаны царедворцев
как бабочки присохшие степные

неловкая домашняя гордыня!
я вновь с тобой я вновь с самим собой —
как мало быть уверенным и смертным —
бумажные цветы похорошели
шальные пчелы в кухне лохматы
как будто воздух напоить доступно
и затаить желание помочь

какое солнце сбудется сегодня?
тяжелое как шапка Мономаха
с прокладкой твердой крепче наизнанку
с широкой оторочкою бобровой
как Хлебникова влажные ресницы

какие скрипки в музыкальной школе
достанут из футляров педагоги
и тронут пальцами привыкшими к работе
ковыльные смычки?

мне все равно мне только на часок
паркета уловить еще одышку
валторны словно к новогодней елке
огромные игрушки в серебре
и в трещинах поспешных контрабасы
и трубы
что вызовут в сознании дельфина
желание сказать и умереть
и финикийским кораблем качнется —
но я уже не в силах повторить

греческих стекол блеск
в неровной чешуе без опоздания
нарезанной граверами босыми
мне говорит о людях невысоких
но с профилем чеканки именной

крупницы света нам присуждены
рассеянные в тысяче иллюзий
в нагретой почве набухают зерна
и духоту выдерживают поры
лишь для того чье тело начеку
чье сердце как ничье.

VI

Ах мне и нынче не пришло!
так что же день стоит как вкопанный?
куда же вести унесло
и не доищешься подкопами?

куда подковы применить?
в ряду с печатью в канцелярии?
как будто строчку сочинить
тогда вмешаются царапины

как «мать честная» у бродяг
нераспечатаны проклятия
неразличаемых коряг
впритык с понятием Распятия

часы Аркадии в залог
и литр на брата — но когда еще
какую вырвешь из дорог
какая выгорит товарищу?

у рыбаков условий ряд
как зуботычины зачитаны
четыре книги наугад
что в пятой так же незначительно

деревьев шапошный разбор
о как мучительно когда тебе
порядки выданы в надзор
палатки вызвались в объятия

но даже Ей не доказать
что мне нарочно уготовано
не замечая за глаза
как в щелку ящика почтового.

VII

О вечность ты не подступись!
за занавеской марлевой
тобою собраны в степи
от варева до марева

на стебле где во всю длину
живые капли ссорятся
играет радуга в плену
пугая невесомостью

на теле словно кожура
в жару теплее ближнего
на прутьях поднята жара
кустарником и вишнями

крыжовник с ложки передрог
задели позвоночник свой
сквозь поры холод и укроп
увенчанный заочностью

и лопушиная резня
в колоде безутешной
густеет сумерки дразня
в пылице перегоревшей

—

люблю стрекоз перенимать
у листьев — ландыш к ландышу
на клиньях ленты добела
на крыльях лепта на душу

люблю ловить хотя бы слух
кузнечика в раскатистых
комочках движущих за двух
и радуюсь расплате я

у лепета люблю зарок
ромашек новоявленных
какая проще из дорог
завещана до яблони

люблю стволы — в них цапли спят
размах крыла отлогого
журавлик желтый для ребят
жирафа одноногого

в такой земле личинок нет
а только пыль замечена
зрачками ссохшихся монет
и рельсами до вечера

и может мне размерив шлях
огромный циркуль сажени
доверит свадьбу на бобах
и проводы посаженных

но что за спрос с такого дня
когда и море в ревности
теряет разум на корнях
и деревом надеется

и дотянувшись наугад
до фляги приготовленной
с горячей кровью виноград
размешивает тополию.

VIII

*Крупнее клубники законченный шифр
поваренной книги заочной глуши*

*и мертвою кожей обтянутый сруб
теплей лошадиных обветренных губ.*

Уже таманские дворы
одежи сети червоточин
и ртутным столбиком заточен
обычный вымысел жары

уже поскрипывал причал
и вырастал на косогоре
треножник черного собора
и рваный берега оскал

а без листвы не обойтись —
так долго веет облаками
что пашни вымели дыхание —

IX

*Есть улица в далеком городе
где я ни разу не бывал.*

На себя не сетуя
но себе обязан
дотяну до лета ли
назову ли сразу

на поверку пьяного
гребнями разлук
наяву ли заново
обернули круг

от халвы с малиною
кумача парчи
горла соловьиного
кольца горячи

или жемчуг с жаворонком
колокольчик с ленью
окружили жалобами
хлопоты оленя

или плечи снашивают
у ограды робко
кормысла крашенные
оторопью тропки

с ливнями вчерашними
высушишь ли вишню?
у хозяек спрашивали —
попросту не слышно

только в серьгах камешки
ямочки да брови
челку чужака еще
радугу с дороги

ситцевое марлевое
кухонное бьющееся
чайное угарливое
пьющее смеющееся

медленное утреннее
выронили рано
выгодами путаными
видами тумана.

1965

Поэт, прозаик, драматург. Родился в 1970 году в Москве. В 1991 году переехал в Израиль. В 1996 году закончил Хайфский университет (факультеты археологии и общей истории). С 1996 по 1998 г. служил в израильской армии. Начал писать в 17 лет. Рассказы, стихи и одна пьеса были опубликованы в израильской газете «Вести», журналах «Крещатик», «Дети Ра», «Слово\Word».

Я СМОТРЮ В ОКНО

* * *

Небеса — река,
По которой плывут облака.

* * *

Жизнь — отрезок времени.
А Время бесконечно.
Время течет как вода,
В которой мерцает звезда.

* * *

Когда я не могу заснуть,
Я смотрю в окно на ночную улицу,
На которой фонарь
Стоит, горит
И сам себе говорит:
«Миша опять не спит,
И ему кажется,
Что фонарь говорит».

А фонарь просто горит
И освещает то,
Что днем
Освещает солнце
Своим огнем.

* * *

Ничего не меняется —
Просто что-то иногда исчезает,
А затем появляется.

* * *

Если бы мы были вместе,
Я бы сказал тебе,
Что буду беречь нашу любовь,
Но вряд ли бы сберег ее.

Я бы сказал тебе,
Что буду отдавать тебе всего себя,
Но вряд ли бы меня хватило надолго.

Как хорошо, что мы не вместе.
Как хорошо, что ты даже не знаешь меня.

* * *

Я проснулся внезапно
От страшной догадки —
То, что утро сегодня
Особенно гадко.

ДОЖДЬ И ЗОНТИК

Когда мы наконец с тобой умрем,
Я стану зонтиком,
А ты дождем,
Чтоб никогда не разлучаться,
А лишь встречаться и встречаться.

...Под бесконечным поцелуем твоего дождя
Я буду плакать, вырываться, звать тебя.

* * *

Если бы Я был не Я,
Ты бы была моя.

Как все просто и легко —
Я не Я,
И ты моя.

* * *

Вы родились, чтоб быть моей мечтой,
А я родился, чтоб о вас мечтать.
Вы родились, чтоб быть моей звездой,
А я родился, чтоб до вас достать.

* * *

Я лежал на уличной скамейке,
И смотрел на звездное небо,
И думал так:

«Звездное небо, как девушка,
Желающая мне спокойной ночи,
Хотя никто из нас спать не хочет.

Звездное небо, как бабушка,
Рассказывающая о своем детстве
И превращающаяся в девушку,
Желающую мне спокойной ночи,
И любящая меня очень, очень.

Звездное небо, как женщина,
Ласкающая меня своим взглядом
И превращающаяся в девушку,
Желающую мне спокойной ночи,
И говорящую мне как бы между прочим:
«Ты лежишь на уличной скамейке
И смотришь на звездное небо».

ОБМАНЩИК

Что мне сказать тебе?
Что ты мила?
Но я совру тебе и самому себе.

Что мне сказать тебе?
Что ты стройна?
Но я совру тебе и самому себе.

Что мне сказать себе?
Что не люблю тебя?
Но я совру тебе и самому себе.

ПОТОМУ ЧТО

День безобразен,
Потому что он светел.
Ночь бесподобна,
Потому что темна.

Жизнь безобразна,
Потому что тебя я не встретил.
Смерть бесподобна,
Потому что ты мне не нужна.

Поэт, прозаик, литературный критик. Публикации в изданиях (стихи, проза, эссе, критика): «Литературная Россия», «Слово», «Родная Ладога», «Север», «Наш современник», «Волга. 21 век», «Письма из России», «День и Ночь», «Поэзия. 21 век», «Дарьял» (Осетия), «Знацы» (Болгария), «Дальний Восток», «Молодая гвардия», «Петрусская настанба» (Сербия), «Нева», «Нижний Новгород», сайтах «Российский писатель», «День литературы» и др. Автор нескольких поэтических сборников и одной книги прозы. Победитель и лауреат ряда российских и зарубежных литературных конкурсов («Живое слово», «Мир без войн и насилия», «Степные сполохи» и др.). Координатор Международного фестиваля исторической поэзии «Словенское поле». Член СП России с 2004 года. Живет во Пскове.

ПОМНЯ О ТЕПЛЕ

НА ТИХОМ ОЗЕРЕ

Прими, как Божью благодать
И этот лист, к ногам упавший,
И озера стальную гладь,
И день, мгновеньем чьим-то ставший.

Чтоб жизнь ничуть не торопя,
На мелкую распавшись крошку,
Звезда упала бы в ладошку,
Благословляя и любя.

31 АВГУСТА

Обнимемся и поблагодарим —
за то, что было — нынешнее лето,
которое, как от лампадки дым
истает вскоре и исчезнет где-то.

А мы, как дети, помня о тепле,
в осенний сад войдем неторопливо,
где на иссохшей без дождей земле
лежат остатки белого налива.

Где по утрам все тяжелей роса,
где темнота все раньше и кромешней...
А ночью обнажают небеса
какой-то мир — реальный и нездешний.

И этот долгий день сойдет на нет,
его, как паутинку, сдует Ветер...
И понесет ленивым волнам вслед —
На память о закончившемся лете.

* * *

Вроде живу по совести,
Не спилась, не скурилась,
Но, вот же, с пути сбилась.

Нет печальней повести
На всем белом свете,
Чем та, когда вырастают дети.

Вот и я выросла,
Не до фантазий, не до вымысла —
Голимая проза.

О том, как от горя ревелось,
Как от любви пелось,
Как из огня да в полымя.

Жизнь прошита строчками
Темными ночками
Да лунами полными.

Не суди, прохожий!
Да, слаба, так что же?
Голову сносить?

Я сама снесу,
Если не вынесу,
Если не выучу урок.

А пока — молчи,
Спрячь от тюрьмы ключи,
Еще не настал срок.

Этот груз я выдержу
И себя выдюжу,
И все то, что бременем тянет вниз.

А ты отправляйся дорогою,
Крутою, пологою,
То камнем с откоса, то птицей ввысь.

Мне из чужой милости
Рано пришлось себя выместить,
А своей хватает с лихвою.

Вроде живу, хлеб жую с маслом,
Сентябрь, вон, к окнам ластится,
Заговаривает листвою....

Лечит солнышком да прохладой
Меня, выходящую из ада,
Выруливающую на круги своя.

Скоро, скоро все настроится,
Сердце чуткое бьется-молится
За меня.

Поэт, прозаик, публицист, издатель, бард, режиссер, автор полнометражных фильмов «Христос-Человечество» и «Основной вопрос». Родился в 1964 году в Москве. Окончил факультет иностранных языков Тамбовского педагогического института и аспирантуру МГУ им. М. В. Ломоносова. Кандидат филологических наук. Печатается с 1981 года. Публиковался в центральной периодике. Автор нескольких книг стихов, вышедших в России, США, Болгарии, Румынии, Венгрии, а также книг прозы и научных монографий. Главный редактор журналов «Зинзивер», «Дети Ра», координатор портала «Читальный зал». Лауреат премии имени А. Дельвига «Литературной газеты» и премий журналов «Нева», «Сура». Руководитель Союза писателей XXI века и издательства «Вест-Консалтинг». Живет в Москве и поселке Быково (Московская область).

ВЕКА ПОДРЯД

Я НЕ МОЛЧУ

Безумцы, геи да евреи
Слагают ямбы да хорей
Здесь, на Руси, века подряд.
А те, кто малость похитрее,
Писать ни строчки не хотят.

Нет безрассуднее занятия...
Услышишь окрики, проклятья,
Когда уйдут стихи в печать.
И это должен осознать я.
И тоже в тряпочку молчать.

Я не молчу. Пусть это глупо.
Поэтов избранная группа
Меня загасит, как свечу.
И буду я мертвее трупа.
И все-таки я не молчу.

2025

ЗАРИФМОВАННАЯ СТАТЬЯ О НАБОЛЕВШЕМ

В тисках порочной капсистемы
И я зажат, как все, хитро.
Кишмя кишат мои проблемы,
Ревмя ревет мое нутро.

Не продохнуть! Долги, налоги,
Квартплата... Каббала страшна.
Итоги? В состоянье грогги
Находится моя страна.

2025

ЧУВСТВА

Я многоженец старый;
И грешный, и хмельной.
Я обручен с гитарой,
Я обручен с Луной.
Я обречен жениться
Почти что каждый день.
...А чувства — не водица,
А кровь, что льется всклень.

2025

НАКАЗЫ

Стал забывать наказ, наказ суровый батин —
Не пьянствовать, забыть безумный алкоголь.
Когда напьюсь — я глуп и сам себе отвратен.
И говорю себе: — Безумствуешь? Доколь?

Стал забывать наказ, наказ сердечный мамин —
Питаться хорошо, есть ежедневно суп.
Куда-то я качусь, нелеп и остограмен,
А лучше бы сходить жир растрясти в спортклуб;

Пресс подкачать, начать тягать гантели-гири.
Потом прийти домой и наварить борща.
Стал забывать, что здесь, в суровом этом мире,
Опасно жить, бухло проклятое хлеща.

2025

ДОРОГА

Ждешь новых бед и провокации
На жизненном своем пути.
А Бог речет тебе по рации:
— Все обойдется! Не грусти!

Есть у меня к тебе симпатия;
Однажды ты придешь ко мне.
И я приму тебя в объятия.
И будешь счастлив ты вполне.

2025

Прозаик. Родился в 1947 году в селе Медяна Пильнинского района Горьковской области. Сейчас живет на другом берегу Суры, в городе Шумерля. Окончил художественно-графический факультет Чебоксарского педагогического института и четверть века преподавал в Шумерлинской школе искусств. В молодости освоил несколько рабочих профессий. Почти семь лет прослужил в гражданской пожарной части. С 1986 года его проза не единожды публиковалась в столичных периодических изданиях. В 2019 году в Чувашском книжном издательстве вышла его книга рассказов и повестей «Ямщина». Член Союза писателей России (1997) и член Союза художников России (2000). В журнале «Зинзивер» публикуется впервые.

ПОСЛАНЕЦ

Рассказ

ПРОЗА

— Птаха сейчас влетит, — предупредил завхоз вошедшего физрука, — присядь, да и погоди. И не кури пока. Разделаюсь с ней — и примем. По тебе и не скажешь, что с похмелья! Мне изюм отпустить на кухню надо, а я со стула встать не могу... и ладно! Обойдутся сушеным черносливом... А чья идея вчера была — употреблять неразведенный бальзам?

— Что ж, лишний раз на Птаху-то полюбоваться и не грех! — несколько возбудившись, весело размыслил физрук. — Мечта! Неземное существо!

Неделю назад, первого сентября, этот двадцатипятилетний мощный брюнет неистово и с первого взгляда влюбился в молоденькую, только что окончившую институт учительницу французского языка, и прехорошенькую, надо сказать! Да прозванная пожилыми учителями Птахой Жанна Петровна Колобаева смотрела на него с легким пренебрежением — вроде, как пикантная барышня на дворника. Страдалец начал ей досаждать, при юной и восторженной Птахе стал прикидываться тупым и грубоватым мужланом. К примеру, любопытствовал, почему это не прирабатывает она «шитвом» и не торгует на барахолке в базарный день? И почто не заделывает в «опчежитии» у себя пьяный квас? Нисходил до архаики, обещал продолбить пешней «пролубь» на озере зимой — для полоскания белья. Грациозная девушка сразу по приезде сюда оказалась у всех в фаворе. Даже дикие слесаря из автосервиса как бы случайно выскакивали покурить, чтоб «зыркнуть на Колобаеву», когда та шествовала по утрам из женской общаги на уроки французского. С простой прической и в небогатом платице она все равно смотрелась нездешне-экзотически. Легочный санаторий-интернат для девочек белел корпусами в старом сосновом парке на окраине поселения Казённый Завод. Девчачий интернат издавна прозывался Смольным.

Завхоз, не вставая, запустил руку в сейф, бросил на стол журнал учета бензина и раскрыл его. В нем лежало несколько тысячных купюр. Уперев в них палец, завхоз со скорбью в голосе пояснил:

— Я думал, Птаха службу еще не поняла, и про эту поганую экскурсию не догонит. Я бы воздержался до декабря и эти деньги списал бы. И нам с тобой на новогодний коньяк хватило бы. А эта, с позволения сказать, Распроптаха от учебного плана — никуда, букву блюдет!

Сорокалетний завхоз, носивший королевское имя Ричард, был известен и как Личада: еще на заре его хозяйственной карьеры кто-то начитанный выудил это искажение из старой классики. Кабинет его смотрелся свержаскетично, а при окне на север — мрачно и даже леденяще: два стула, письменный стол и сейф. На столе только пепельница и ноутбук. Через распахнутое окно открывался вид на небольшой пищевой базар, шевелящийся лениво под солнцем, по-летнему жарким этой осенью. Насчет закуски Личада не заморочивался: лишь свистни из кабинета — и покупай. Хоть селедку, хоть лук зеленый иль помидоры-яблоки-огурцы.

— А ты, парень, в уме? — спросил великий Личада. — Что в школе проходили — ты позабыл, а после ни одной книжки не открывал. Рядом с Птахой тебя и представить невозможно! Бех, прых, жим — и более ничего в башке. А это, Семён Иванович, не эрудиция! И зачем, негодник, продал ты бабушкин особняк?! И надо же, купил «майбах» и однушку на пятом этаже. Кто ты после всего? Дурак с «майбахом».

За ближним к окну прилавком, среди бабенок с укропом и морковью, сидел, уткнувшись в смартфон, прилично одетый юноша, заглазно некто Посланец, он же Блажной и он же Беспамятный. На дощатом прилавке перед ним стояли два зеленых эмалированных ведра — с орехами и белыми грибами. Выглядел он античным атлетом с приятным и правильным лицом. Сочетание черных волос со светлой кожей навело бы любого историка на мысль о людях Древнего Рима. Обычно юноша откликнулся на отчество Михалыч — в справке, выданной ему психиатром, значилось: «Нил Михайлович Индиверов. Страдает тяжелой амнезией (полной потерей памяти)». Нашелся он два года назад, и на этом же вот базаре. Обут был в ременные сандалии, замотан в некое «накрывало», а изъяснялся на неведомом языке. Многие слова, правда, как-то походили на русские. Дело случилось в ноябре, и парнишка, внезапно откуда-то возникнув, сразу озяб. Его хомутнул было вызванный кем-то полицейский патруль, да тут по пути на службу забрел на базар главный врач санатория — купить пакет огурцов с рассольцем: по холоду базар торговал лишь мерзлой рыбой, мочеными яблоками, медом и разносолами. Врач уговорил полицейских отдать ему молодого человека, и увел его, наказав служивым привезти следователя в санаторий-интернат. Отогревшись в кабинете врача, мальчишка пылко о чем-то заговорил. Вызванная из кухни повариха угостила его котлетой с гречкой. Ел изыщно, хотя вилку явно увидел в первый раз. Доктор поднес ему чайку, записал отрывок его речи на телефон и отослал в университет Санкт-Петербурга двоюродному брату жены, филологу. И с пожеланием: определи-ка, Витька, что это за язык. Двоюродный шуринок-полиглот отзвонился почти мгновенно. И удивленно пояснил, что это один из древних и мертвых языков, но им пользуются — как, скажем, и латынью. Это санскрит, а скорее даже и прасанскрит, но понять оратора можно. Он благодарит тебя за то, что ты спас его от умыкания слугами закона, обогрел в своем великолепном дворце и напоил сладчайшею, ароматической амритой. Как, как? Да амрита, божественный напиток. Из того же разлива нектар и сома. Сюда же добавим и амброзию... Кто этот человек? За всю земную историю лишь два-три случая было, когда люди вдруг начинали изъясняться на древних языках. Но твой пациент еще и двинутый, мнит себя

посланцем из космоса. Витька, он в кожаных сандалиях на базар приперся и в чем-то наподобие римской тоги. Сектант, похоже. Их сейчас немерено развелось. На базаре-то проповедывал, менты его отловили и мне отдали. Сейчас ко мне следователь заявится, а ты пока попытай-ка, Витька, у сектанта имя-фамилию узнать... Включаю видео! И доктор повернул к юноше ноутбук. При виде очкастого и бородатого доцента Витьки посланец небес застыл от ужаса, но опомнился, когда тот заговорил. Витька, скажи ему, что ты далеко, попросил доктор, а то он под стол заглядывает. Доцент вскорости вывел: мальчонка увяз в санскрите! Имя его Анил, что означает Бог Ветра. Ну, по-нашему, вероятно, Нил. Имя древнее, парень может оказаться из староверов. Его тату — отца, тятю по-старорусски, зовут Дождь, или Мехай, да это условно, звука «х» в этом языке нет, там некий шипящий. Нет, кстати, и звуков «ф», «ц», «з», «ж», «ш» и «ы». Давай осмелимся обозвать пацана Михалычем. За фамилию сойдет название его рода — Индивер, по-русски Голубой Лотос. Так что, записывай: Индиверов. Пиши до кучи, для следователя, и всю семью, мент же в розыск Михалыча закинет. Матар, мама — Дунийя, что значит Мир. Записывай — Евдокия. Бхратар, брат — тоже Михаил, как и тата. Свасар, или сестра — Симапата, по-русски Снежная. Ну и пиши: Снежана. И брат, и сестра несколько помладше Михалыча. Судя по имени сестры, семейство отнюдь не староверческое. А если парнишка Нилка студент, и в армию ему неохота, он косил бы гораздо проще. Налицо явный припадок атавизма. Попробуем вернуть болезного в наше время. Сейчас переброшу тебе звуковой русско-санскритский курс, я сам его для студентов сочинил, в нем все разжевано, даже картинки есть. Ты денег не пожалеи, купи пацану смартфон и вбей в него этот курс. Глядишь, Михалыч-то и вернется в мир...

Прибывший следователь сфотографировал Михалыча в фас, в профиль и в рост, и снял с него отпечатки пальцев. И взял бумажку с завиральными данными, записанными со слов доцента Витьки. Доктор сказал слуге закона, что пацан-то может и нелегалом оказаться, а потому надо взять у него анализы, да множество прививок ему вкатать, да затем пронаблюдать его в санаторном стационаре месяцок. Стационар неделями тут пустует.

К земному времени Михалыч привык не сразу, а по вечерам, на заходящее солнце глядя, приходил в большое смятение. Бодрствовал, не отрываясь от смартфона, часов по тридцать, а спал не больше семи. К концу месяца освоил звуки «ф», «ц» и «з» и кое-как изъяснялся с доктором. Буква «ы» никак Михалычу не давалась, и на первых порах фаянсовое устройство в туалете было для него «каменная дыра». И эта «каменная дыра» вошла в словарь интерната. Добрый доктор снабдил Михалыча одеждой своего племянника, взятого по осени в армию, и отослал на правеж в народ, под начало великого Личады. Завхоз воткнул его в относительно удобный полуподвал, в общество слесаря-сантехника, электрика, шофера и культурного айтишника Фраермана. Доктор и Личада сочли, что в смычке с этими побитыми жизнью и не всегда трезвыми мастерами Посланец обрусееет досрочно. Электрик и сантехник, деревенские парни, окончившие технический колледж и отслужившие в армии, на село не вернулись и в поисках лучшей доли осчастливили Казённый Завод. Не принятый за границей Фраерман ждал восстановления гражданства, а шофер, отбывший в Сирии аж двойной контракт, все полученные там деньги засандалил в какое-то ООО. Но контора эта захлопнулась, хозяин исчез, а вкладчики заявили в суд и жили теперь надеждами.

Первым же вечером полуподвальное общество угостило новичка сотворенною тайно брагой. Михалыч, вдохнув аромат, валивший из поставленного на стол ведра, вдруг догадался вслух, что это сома. Словечко сразу вошло в лексикон полуподвала. При восприятии сомы Михалыч исполнял некие обязательные гимны на иноземном языке — чем-то похожем и на русский, но более на литовский, заметил Фраерман. Гриня Фраерман живал

когда-то у невесты в Литве, но его выперли оттуда. Интеллигентный и вдумчивый Гриня после второго стакана взял джутовый мешок из-под пакли, сходил в интернатскую библиотеку и принес Блажному груду учебников — от букваря до алгебры. И высказался в том смысле, что в Сети, конечно, всего навалом, да книжки как-то наглядней. Общество научило Михалыча зажигать газ и варить картошку и макароны. На вопрос, откуда в плите огонь, поведали о газовых месторождениях Уренгоя. Гриня иногда брал Беспамятного в свой компьютерный класс и после уроков, в отсутствие девиц, обучал всяким айтишным вывертам. Электрик натаскивал на замену пробок и лампочек, а на вопрос, что есть электричество, ответствовал: природу его не знаем, однако им пользуемся вовсю, а передается оно, кажись, вибрацией электронов. Михалыча, не имевшего и понятия о транспорте, водитель обучил сперва велосипедному делу, а затем и мотоциклетному, после чего всучил книжку с правилами и знаками дорожного движения. Всеядный пацан на диво легко усваивал винегрет из алгебры, физики, химии, уличных знаков, склонений, спряжений и романа Ивана Сергеевича «Отцы и дети». Фраерман уверял сообщество, что Михалыч приходит в память. Но при соме в прокуренном полуподвале Блажному вспоминалось иное. Общество внимало ему — и с интересом. Выходило: бывшая планета Михалыча обретается невесть где. Возможно, что и в нашей галактике Млечный Путь, да может оказаться — и за миллион световых лет отсюда. Она двойная, как и Земля, но к звезде повернута одной стороной, другая же всегда во тьме и там замерзшие океаны. А безжизненная Луна обращается вокруг основной планеты не в плоскости эклиптики, а поперек, с севера на юг. Через каждые тридцать часов начинается затмение, которое длится семь часов. Люди ложатся спать, а когда лунная тень уходит, поют благодарственные гимны. По завершении года, при сто втором затмении Луна короткое время излучает неведомую энергию. И люди на эти мгновения вдруг становятся невесомыми. После этого надо пить сому и веселиться. В храмах же угощают народ амритой. Затем люди садятся на плоты из огромных стволов хвоща, поднимают паруса и посещают соседние материки. Обитающие там разнообразные рептилоиды прекращают бесконечные войны и встречают людей на берегу. Те сходят с плотов и разыгрывают многочасовые мистерии. Благодарные рептилоиды-туземцы на прощание подносят дары — сладкие земляные камни, из которых делается амрита.

— Между прочим, у нас там матриархат, — вещал Михалыч в полуподвале, — а моя мама — наследственная служительница в главном храме. Она последняя из древнего рода Индивер. Женщины этого рода несколько веков возглавляли храм. Но моя сестренка служить не будет. Священницы других храмов заявили: хорошо, пусть Дунийя достигнет порога мудрости, но не переступит его, доживет до сорока лет, а потом, как того требует обычай для всех низвергнутых, слуги закона угонят ее с семейством в глубины материка, на острова среди бесконечных жарких болот — миссионерствовать у рептилоидов, учить их гимнам и членораздельной речи. А место главной служительницы выборным у нас станет! Всему народу было известно: никто из сосланных проповедников из страшных болот не возвращался. Мама пообещала нам, что мы спасемся. Ей тогда исполнилось тридцать два, а мне четырнадцать. В ночь, когда все становятся невесомыми, мама подвела меня к алтарю и поведала, что она единственная женщина в государстве, которая знает тайну полетов быстрее мысли. И приказала взмолиться о планете, на которой нет двуногих мыслящих рептилоидов. А перед этим предупредила: вернуть тебя не сумею, лишь сообщусь с тобой через год, такой же ночью. Если ты будешь жив, расскажешь нам о том мире. Перемещаться ли нам туда — решать тебе. Надеюсь, что еще через год мы встретимся. Возникла невесомость, я представил некий небесный мир без хищных рапторов и разномастных разумных гадов, и через мгновение очутился на базаре.

— А ты, Михалыч, с мамой-то разговаривал прошлым годом? — спросил Гриня за всю ватагу.

— Да, я обрадовал ее. Прошлой осенью, в ноябре. Только никому не рассказывал, кто поверит? Доложил маме, что тут довольно сложный человеческий мир, но жить легко. Дивная растительность и обилие вкусной пищи. И сколько угодно всякой сомы. Словом, тут рай пресветлый! Мама обещала явиться через год, и со всей семьей. На этом связь прервалась. В ноябре пойду дожидаться на базаре.

— Михалыч, у тебя осеннее обострение! — заявил шофер при общем молчании. — Я трехведерную флягу из гаража припру, заделаем медовую сому в ней, и ты, Михалыч, будешь и пить, и спать, и полегчает тебе.

— Болезнь Блейера, — умно заключил Фраерман, — тут даже к бабушке не ходи, любой скажет. Раздвоение личности, по-нашему говоря. Он и Блажной, и он Посланец небес — иначе, откуда совершенное знание прасанскрита?! Как-то хочется ему верить.

— Михалыч, а сестренка-то красивая у тебя? — спросил сантехник. — Не будешь против, если я за ней приударю?

— А на то воля Симапаты. Вряд ли из нее сразу выветрится матриархат.

— А вдруг да твои не прилетят? — засомневался электрик. — Мало ли! Допустим, гребнистые рептилоиды с войной на город придут и храм разорят?

— Дождусь, — уверил его Михалыч, — впереди много ноябрей-то.

Федеральный розыск нигде Михалыча не нашел, лишь одна московская «умная» камера поймала его на сходстве с мошенником-альфонсом. Но неуловимый красавец был постарше Михалыча, блондинист и лысоват. Генетическая экспертиза родства меж ними не обнаружила. Пять из одиннадцати женщин, лишенных соблазнителем квартир и денег, уверяли: он был брюнетом. А молодой человек на фото — явно преступник в юности. И следствие поневоле вывело: аферист ловко использовал парик.

Шелестя джинсовыми коленками, в открытую «для воздуха» дверь влетела к завхозу Птаха — раздурманенная с улыбкой во все лицо. Она уже изготавилась к поездке, была в кроссовочках, в кепочке на светло-каштановой головке и в жилетке со множеством карманов, чем-то крепко набитых. Коричневые глаза горели жаждой открытий — быть может, даже географических. Скучный и сумрачный кабинет явственно озарился волшебным светом. Воссиял даже жесткий урыльник физрука.

— Ах, и вы тут... — она мельком взглянула на несносного Семёна Ивановича, не догадавшегося, якобы, уступить ей стул, и отвернулась. — И опять советовать будете бычка на откорм завести?

Влюбленный нервно молчал, а завхоз, возвысив очки на потный похмельный лоб и отрешенно глядя перед собою, выбивал дробь пальцами на столе. Жанна Петровна вдруг радостно помахала в окно ладошкой. Приветствие назначалось для Михалыча, но тот никак не ответил, с солнечного базара нутро кабинета не просматривалось. Физрук, естественно, Жанну Петровну свирепо к Блажному взревновал.

— Ричард Васильевич, я за деньгами на бензин. У меня экскурсия в город, по расписанию. Везу свой девятый класс светофоры изучать. Здесь ни одного светофора нет, лишь три лежащих полицейских на главной улице. Мне где расписаться-то?

— А надо ли? — встрепенувшись, заартачился вдруг Личада — к удовольствию вящему физрука. — Жанна Петровна, вы что, белены объелись? По такой ерунде автобус гнать! У него и глушитель в дырках, и кардан стучит, и покрышки на ладан дышат... Это кем надо быть, чтоб вам поверить? Неужто ваши двухметровые кобылы-девятиклассницы не слышали о светофорах?!

— Они все в волейбольной команде у меня, — дополнил Семён Иванович, — и рост у них от метра восьмидесяти пяти и ниже. Не загибай, двухметровых у нас в интернате нет... Но предположим, товарищ Колобаева, Ричард Васильевич даст вам денег, и вы...

— Не, не, не! Не дам!

— И вы, Жанна Петровна, вломитесь в город на автобусе, — суконным голосом продолжал физрук, — и че? Девочки мысленно пошлют вас подальше и разбредутся. Обьедятся мороженым — а у нас легочный санаторий! На автобус вечером они не вернутся, на дискаче соблазняются отдохнуть. А вы часиков до двух ночи будете в автобусе их ждать, вся в слезах... А водитель изматерится впрах.

Благородно воспитанная Колобаева, не перебивая, дослушала вульгарные измышленья физрука и обратилась молитвенно к завхозу:

— Ричард Васильевич, но эта поездка в расписании...

— Не, не, не! Целых полсотни верст! Тут одного бензину... Да обед в диетстоловой на всю ораву. Дорого светофор-то встанет!

— Жанночка! — страстно воззвал физрук. — Да подойдите к любому железнодорожнику! У них там этих стекляшек-то... И красных, и желтых, и зеленых... И, вероятно, всяких. А фонарик вам Ричард Васильевич охотно выпишет...

— Нет у меня фонарей на складе! Лишь парафиновые свечи — на случай, если в интернате вдруг свет возьмут.

— Тоже выход! Вы, милочка, спички-то зажигать умеете? Вскарабкайтесь ночью на березу, и это... подставляйте стекла к свече! А девочки посмотрят на ваши опыты из окон спален, перед сном. Оно и занято, и полезно.

— Дело! — бодро вскричал завхоз. — Вполне согласен с тобой, Семён Иваныч!

— Вы... — едва не зарыдав, Птаха порхнула к двери. — Вы оба...

И вскоре — физрук едва задымить успел — оба комедианта изумленно уставились в окно. Михалыч бросил телефон на прилавок, вскочил и принял на широкую атлетическую грудь обливавшуюся слезами Птаху. Базар хоть и вяло, но гудел, и в кабинете не было возможности разобрать, о чем попискивает выпущенная на волю Птаха. Блажной вытер ладонью мокрые щеки девушки и обошел ближайших торговков. Насобирав у них денег, добавил в эту пачку своих и протянул Птахе. И та, радостно засмеявшись, улетела.

— Она сейчас в автосервис приударит, — предположил Личада, — и микроавтобус заешево там наймет. Балбесы эти вывеску на дверь присобачили — что-то насчет каршеринга. Будто у нас предместье Лондона! Я по молодости детективы любил — перевод с английского. И в них герои брали машины на прокат, а вовсе не по каршерингу этому... мать его... Или книжонка вот, «Деловые люди»... автора позабыл. Ее давненько перевели. Сейчас наши обезьяны назвали бы ее «Бизнесмены»... Но Беспамятный-то каков! Да и Жанна Петровна тоже. Ах, как она ластилась к нему! Вполне эротический сеанс! Не надейся, Иваныч, теперь уж точно Птаха не раскроет клювик перед тобой.

— Блажному, главное, под честное слово деньги ссужают все! — резко ушел от темы изрядно погрузневший Семён Иванович. — И директриса нашего интерната о нем хлопочет, и главврач санатория заботится, и тертые мужики в полуподвале уважают его, и девки-перестарки из бухгалтерии в грузчики определили его — между прочим, к тебе на склад! Без документов, по справке от психиатра! А я просился для подработки на это место — и не взяли! Блажной арапа заправляет на базаре по целым дням, да шастает по лесам. На одних банных вениках состоянье, наверно, сделал. Вчерась березовые продавал, позавчерась дубовые, третьеводни можжевеловые. С весны вениками торгует! Вдобавок, летом землянику, черемуху и смородину ведрами приносил — и даже липовым цветом торговал, и мятой, и иван-чаем!

И ежевикой базар заваливал. На днях калину с шиповником начнет таскать... Сейчас грибов, вон, с орехами приволок... Прямо, дикарь пещерный — из племени собирателей! Пацан всегда при деньгах! Ты, Васильич, зачем не припахиваешь его? Не послал даже изюм отволочь на кухню! Грузчик же! Но, по правде сказать, зла на него нету ни у кого, и у меня тоже...

Что такое деньги на планете Земля, Михалыч уразумел не враз. Рассказывал: в его прошлом мире не имеют о них понятия. Люди копают корневища, едят побеги хвощей и папоротников, да на мелководье собирают моллюсков. Такой удивительной растительности, как на Земле, там нет. Копченое мясо ящеров и яйца гигантских черепах приносят иногда с болот рептилоиды — в обмен на сому из корневищ и домотканую материю. Мясо ящеров похоже на земную курятину.

— Михалыч! — прокричал в окошко Личада. — Ты третьим будешь?

— Вряд ли! — ответил тот, и от смартфона не оторвался. — Я всю наличность Птахе отдал, она говорит — вы, Ричард Васильевич, ей в экскурсии отказали, а дети волнуются и ждут — в большом нетерпении.

— Подай-ка оба ведра сюда, Михалыч! И сам залазь. Пакеты есть? Пересыплем, да я домой унесу, жену обрадую. Сидишь ты с самого раннего утра, скоро обед, а к тебе никто не подходит, весь базар грибами завален, да и на орехи был урожай.

Подав грибы и орехи, Блажной хлопнул по высокому подоконнику ладонями, легко взметнулся и лихо запрыгнул в кабинет. Делал он это не впервой, и удалью никого не удивил. Личада взял из журнала тысячную бумажку и протянул Михалычу.

— Многовато будет, — заметил тот, да Личада лишь отмахнулся.

— Вытяжку я не буду, — предупредил Михалыч — вытяжками из сомы именовал он водку и самогон.

— Да сома, сома у нас! — и Личада вытащил из тумбы стола две бутылки кубанского портвейна. Следом достал стаканы и блюдец с нарезкой из сыра и колбасы. Привычно прослушали надстаканный гимн, и Михалыч, заев портвейн, как бы сделал предъяву главе стола:

— Водитель говорит — вы приказали автобус не чинить! А даже и я в одиночку сумел бы его наладить!

— Не надо! Этого вот не надо! Не лезь в политику! Мне обещались новый автобус выписать — в конце квартала. А будет на ходу старый, то вместо нового — голый хрен. Получу новый, а наш спишу — на свалку, якобы. Ты и водила сразу доведете его до совершенства, а я с клиентом сторговался уже. Деньгами я с вами поделюсь. Просек?

— Ага, благодарю за науку.

— Ты гений, Ричард Васильевич! — восхитился физрук. — Эх, мне бы хватку такую приобрести! Но как?

— Да ты подойди к любому железнодорожнику!

— Это пословица? — живо полюбопытствовал Блажной, не заметив смущенья физрука. — Явно абсурдом отдает. Владимир Даль ничего подобного не приводит, я весь его словарь пролопатил.

— Наливай, милостивый начальник! — физрук не дал завхозу объяснить происхождение загадочной фразы. — У меня уроков после обеда нет.

— Жалеем мы все тебя, Нил Михалыч! — расчувствовался Личада. — И было бы все путем, кабы ты за рептилоидов не молол. И вот результат: не норма! Был бы просто Беспамятный, а то еще и Посланец, и Блажной.

— Ха-ха, сказал я, улыбаясь! — высказал небрежение физрук к безнадёжной теории завхоза. — Ну, был бы Михалыч просто Беспамятным, и все равно считался бы не в себе.

Справка именно вот от психиатра у него, хотя в ней никакие мыслящие рептилоиды не упомянуты, ни гребнистые, ни яйценосные.

— Я всегда правду говорю! — едва не обиделся Блажной. — Но, полагаю, мне не поверят даже и в ноябре, когда вот здесь, на базаре, мое семейство объявится. Боюсь, всех нас сектантами окрестят.

— Ты, Михалыч, с Жанной Петровной-то как спознаться успел? — спросил завхоз.

— Пощупал уже, небось? — раззавидовался Семён Иванович.

— А разве можно? — удивился Михалыч. — Она же как бы из высшей касты! Как и вы тоже, Семён Иванович! Педагогиня! А я кто?! Она ко мне благоволит, это да. Я в конце августа в привокзальном киоске сборник кроссвордов покупал — утром, покуда не расхватали. А она с поезда сошла, да и стоит на перроне — с двумя тяжелыми чемоданами. Ну, прогулялись мы до женской общаги, там Жанне Петровне комнату интернат отвел. Чемоданы занес — ба! Вся сантехника на полу лежит, никто не удосужился смонтировать почему-то. Все сделал, после чайку попили. Хвалу амрите не воздавал, поостерегся. Потом я Жанну Петровну к директрисе Смольного проводил. На другой день в кино ходили. На третий я ей окрестности показал, на лодке по озеру покатал. Вот и все. К явлению своих приглашу ее на базар, представлю маме: та тоже знатная дама.

— И ни разу не прорвало тебя? — спросил недоверчиво Личада. — Не расписывал Птахе, как хищные рапторы охотятся на болотах на утконосных гигантских ящеров?

— Бог миловал, она ничего не знает.

— На это не уповай, Михалыч! — пообещал физрук. — Найдутся добрые люди, навешают ей лапши. И что Блажной ты, и Беспамятный, и Галактический Пришелец. При встрече с тобой на улице Птаха на другой тротуар перепорхнет.

— Я попытаюсь объяснить, она поймет. Скажу, что память начисто отчего-то потерял... и все дела. А кстати, доцент Виктор Борисович опять звонил мне из Петербурга, кое-какие тонкости прасанскрита даже и он не понимает. Над словарем который уж месяц упираемся, и все гимны, которые я знаю, на русский переводим. С комментариями, обширными и глубокими. Словом, большая научная работа. Увлеку Птаху сим сюжетом — и сразу возвышусь в ее глазах.

— Да ведь забудешься и за рептилоидов гнать почнешь, — грустно предрек Личада.

Поэт и прозаик. Родился в 1948 году в городе Горьком. Окончил радиофак Горьковского политехнического института им. А. А. Жданова. В настоящее время — директор издательства «Книги», главный редактор журнала «Нижний Новгород». Член Союза писателей России. Живет и работает в Нижнем Новгороде.

ПОРТРЕТ АРТИСТА

Рассказ

Персональную выставку к восьмидесятилетию народного художника Сергея Ивановича Гусева готовили загодя. Конечно, в запасниках художественного музея нашлось несколько десятков достойных выставочных работ, и из частных собраний городских любителей живописи взяли для экспозиции кое-что, даже из Москвы привезли несколько полотен. Но основой выставки стали, конечно, те картины, которые были написаны в последние годы и хранились у Сергея Ивановича в мастерской: скуповат он стал в последние годы на подарки, более того — стал он сам выкупать свои ранние работы, прежних лет, если попадались или кто-то предлагал.

Удалось заполнить все четыре зала, под сотню работ набралось.

На открытие собралась вся городская духовная элита города: артисты, писатели, друзья-художники, руководство города, приехали поздравители из столицы. Юбиляр сидел на стуле за маленьким столиком при входе в первый зал, со всеми здоровался, принимал цветы и выборочно вручал свой юбилейный альбом: большинство должны были покупать альбом в кассе при входе и подходили к юбиляру, только чтобы получить автограф. Потом случилась небольшая торжественная часть, прозвучали стандартные радостные слова, вручились традиционные адреса в красных папках, повисли в воздухе пожелания, и публика растеклась по залам, оценивая творчество юбиляра. Кто-то из спонсоров подсуетился: в углу на столах стояли фужеры с шампанским, соками, минеральной водой, грудились чашки для чая и кофе, горки конфет и миниатюрных пирожных.

Николай Николаевич Долженко, заслуженный артист, старинный товарищ юбиляра, припозднился, на торжественную часть не попал и был даже рад тому. Сергей Иванович встал, увидев друга, и обнял его со словами:

— Коля, милый, я так рад, я ждал тебя, ты погуляй тут, поработай, пообщайся, а я пока подпишу тебе свой юбилейный альбом, придумаю слова какие-нибудь. А после, вечером, я думаю, что мы с тобой и по рюмке водки сможем.

Дружили Гусев с Долженко давно, лет сорок уже, а может, и больше, и связывал их, а точнее крепил эту дружбу родственный менталитет: оба они были добродушные, благожелательные и внутренне сильные и уверенные в своей правоте. Хотя если Долженко был местным потомственным горожанином и нужды материальной никогда не знал, то судьба забросила Гусева в этот приволжский город в детстве и, можно сказать, случайно — после войны, а он и прижился.

Родился Сергей Иванович перед самой войной в Архангельске, а в голодные послевоенные годы отправила его родная матушка к родственникам в деревню, где жизнь была посытнее. Родня эта деревенская была из кондовых, правоверных старообрядцев-поморов, да вся деревня тоже. Сохранились еще в Заонежье такие.

В северных деревнях лес кормит: грибы, ягоды, дичина, а про рыбу и говорить нечего, всегда на столе. Жизнь в старообрядческой деревне течет по уставу, почти как в монастыре: молитва и работа, а еще и наказания суровые ежедневные, которые оказалась не по силам маленькому Гусеву — сбежал он от побоев уже через год. Мамку свою в Архангельске он не нашел и пустился бродяжничать — хотел в Москву попасть, а оказался на Волге. Так и прижился тут, и сгодился.

Только сильно и постоянно волновали уже выросшего взрослого художника Сергея Ивановича детские воспоминания и северные красоты: обязательно раз в пять лет он отправлялся поработать на Север: Онега, Кижы, Каргополь, Соловки. И северная природа суровая, и жизнь поморская всегда фигурировали в работах Гусева.

С полчасика бродил артист Долженко по залам, общался с друзьями, знакомыми, которых тут оказалось довольно много: что-то обсуждали, делились мнениями — было о чем поговорить. Были тут, на холстах, и холодное северное небо, и теплые заволжские заливные луга, и мужики-рыбаки с сетями, и бабы на сенокосе, и кривые деревянные городские переулочки — все было! Но только здесь, на этой юбилейной выставке, Николай Николаевич вдруг определил, что друг его закадычный, художник Гусев, оказывается, еще был и записным портретистом. На стенах залов были вывешены почти двадцать портретов городских знаменитостей последних десятилетий: ученые, врачи, артисты, писатели. Он вглядывался в эти давно уже знакомые ему лично лица, но, кажется, только теперь разгадал главный секрет настоящего художника-портретиста: глаза, выражение глаз — вот что делает портрет портретом.

И царапнул откуда-то изнутри огонек обиды: а почему же его портрет, портрет заслуженного артиста Николая Николаевича Долженко, не удосужился написать художник Гусев? И казалось артисту Долженко, что этот вопрос царапался и еще в чьих-то присутствующих на выставке головах.

С этой обидой подошел он к своему другу, по-прежнему одиноко сидевшему за маленьким столиком у входа.

— А что же ты, товарищ мой любезный, мой-то портрет постеснялся народу представить? — обратился он к Гусеву, обнимая его за плечи.

— Есть грех, есть грех, Коля, — отвечал со вздохом художник, — виноват я перед тобой. Исправлюсь! А мы с тобой завтра и начнем. Нет — через неделю. Готовься, через неделю начнем работать твой портрет.

— Да ведь есть же у тебя в мастерской мой портрет, где я в роли Сатина. Тот, старый, сорокалетней давности. Я же тогда и премию Станиславского за того Сатина получил, и заслуженным стал, а ты постеснялся показать портрет народу.

— Я не постеснялся, просто там, на том портрете, — не ты! Вот придешь ко мне в мастерскую, и я тебе все объясню. Это серьезная причина, и серьезный разговор, и мне не хочется

здесь, впопыхах, на коленке. Ты лучше меня знаешь правила работы артиста и на сцене, и в кино: первый этап — освоить характер героя, а второй — присвоить его. Так вот: ты на том портрете не вышел из роли, и писал я не тебя, а твоего Сатина.

— Хорошо, приду! А сейчас я тебя поздравляю, и пойдем выпьем по рюмке водки! У меня с собой есть, — Долженко вытащил из внутреннего кармана плоскую маленькую фляжку из нержавейки, — а вот там, в углу, и фужеры пустые стоят. Никто, кроме нас, тут не поймет, как я рад за тебя и как я тебя люблю.

К старости разница в десять лет кажется уже небольшой, и трудно сказать иной раз: кто умнее, кто мудрее и кто кому должен советы давать. Да, и деменция свое дело делает. Помнится, в детстве у нас во дворе жили две старухи, с виду лет по девяносто, мать и дочь; и часто они, сидя на лавочке, меж собой спорили, а кто из них старше. То же самое сотворили дружба и время с моими героями. Правда, они не спорили, а просто любили друг друга.

Долженко прекрасно помнил, как однокурсница по театральному училищу Наташа Мещерская привела его впервые в гости к Гусеву в мастерскую. Он тогда был поражен увиденным, это была не мастерская художника, а скорее музей: дымковские игрушки, самовары, городецкие донца прялок, сарафаны, иконы, хохлома — все это было расставлено со вкусом и для обзора. Трехсотметровая мастерская была четко разделена на рабочую половину, где стояли стеллажи для холстов и мольберты, и на жилую, где принимались гости, стояли кресла, диваны, слушалась музыка, и хорошо пилось вино с друзьями.

Потом случилась беда в виде инфаркта у Сергея Ивановича. Это сейчас к инфарктам относятся как к чему-то обыденному: существуют стенты, шунтирование, кардиостимуляторы. А сорок лет назад слово «инфаркт» было приговором: месяц в постели, а потом — на второй этаж подниматься осторожно, а лучше и не подниматься, и не выпивать, не курить, парную баню и кофе забыть, и превращался человек чуть ли не в инвалида.

А через месяц — второй инфаркт посетил Гусева, и при всем его оптимизме и мужестве загрустил он. Так, ко всему прочему, стал он еще побаиваться оставаться один — такое случается с сердечниками. Супруге Гусева приходилось по работе раз в месяц ездить в командировки в Москву, и звонил тогда художник Люсе Долженко, и выпрашивал у нее любимого супруга на два-три ночлега к себе в мастерскую. Долженко приходил, иногда даже после спектакля: сидели допоздна, пили чай, слушали музыку. Гусев телевизор не смотрел, а музыка у него в мастерской звучала все время — меломаном он был.

Стоял у него на тумбочке шикарный огромный трактирный граммофон с трубой — это для прослушивания Шаляпина и церковных хоров с дореволюционных пластинок, был и немецкий трофейный патефон для румынских пластинок с Петром Лещенко и Морфесси, двухкассетный «Грюндик» тоже присутствовал, и даже легендарная радиола «Дружба» стояла в углу на полу, но она уже не функционировала.

Странно казалось окружающим: у художника было много товарищей по цеху, с которыми он общался почти ежедневно, а последить за ним ночью зовет к себе какого-то молодого артиста — почти постороннего. Но мужская дружба, как и прочие сердечные привязанности, часто необъяснима, и существует на уровне какой-то внутренней химии. Так, вот оттуда, от тех двух инфарктов и потянулась эта ниточка дружбы художника и артиста, и дружба эта только крепла и крепла с годами.

Сергей Иванович Гусев умер на четвертый день после открытия своей последней персональной выставки — сердце остановилось.

Прощание с народным городским художником было решено провести в том же выставочном зале, где на стенах продолжали висеть его работы — его дети. Они тоже прощались со своим создателем: он уходил из этого мира, а они оставались, чтобы дальше служить

людям. На прощальном митинге выступали те же, кто говорил слова и на открытии выставки неделю назад. И слова они говорили те же — может, чуть-чуть изменилась интонация.

Хоронили художника на Бугровском кладбище, этаким городском некрополе, честь упокоиться на котором надо было заслужить. Отпевать папу в храме дочь Маша не разрешила, объяснив, что, во-первых, он не любил вообще всех попов, а во-вторых, крещен он был по староверческому обряду, и искать специально для этого священника старообрядческого она не хочет, а у поморов так и вообще все таинства совершаются мирянами. На выходе с кладбища, после окончания церемонии, она подошла к Долженко:

— Николай Иванович, дядя Коля, я хочу просить вас — вот ключи от папиной мастерской. Все личные вещи я уже забрала оттуда, а вот что делать с картинами, набросками, этюдами и всяким прялками, иконами и самоварами — я не знаю. Помогите мне, из Союза мне уже позвонили — предупредили, что до сорокового дня они подождут, а потом надо будет сдать им помещение.

— Хорошо, Маша, я завтра же схожу туда.

Мастерскую друга-художника Долженко знал не просто хорошо, а очень хорошо — ну, как свою квартиру, наверное. В рабочей половине, где всегда работал мастер, он сразу обратил внимание на пустые проплешины на стенах, заполненные раньше работами друга, но это было понятно: тут висели картины, которые он готовил к выставке. Наверное, ребята из художественного училища помогали ему, лазая со стремянкой, — не сам же он, подумалось.

В этом же зале вдоль стены стояли стеллажи под самый пятиметровый потолок, забитые натянутыми на подрамники холстами самого разного размера — там были сотни: замуженные варианты, этюды, наброски, к которым, вероятно, рассчитывал вернуться художник. Тут были и чистые холсты, и папки с рисунками, оттисками гравюр. А вот один стеллаж оказался пуст: на нем Сергей Иванович, видимо, собирал свою последнюю выставку. Только одна работа, стоявшая торцом, осталась на стеллаже. Гусев снял картину и поставил ее на свободный мольберт. Да, это был его портрет. Подпись в правом нижнем углу «С. Гусев 1978 год». На картонке, гвоздиками прибитой к простой сосновой раме, еще надпись фломастером «Артист Николай Долженко в роли Сатина. 1978 г.».

Изображенный на картине тип сидел на грязном заплеванном полу в рваных штанах, стоптанных ботах и бесформенном пиджаке на голое тело. Кулаки его были сжаты, что-то истеричное было во всей его фигуре, и глаза его были белесыми от пьянства с маленькими черными зрачками, похожими на мушиные какашки. А еще глаза его были выпучены и наполнены такой злобой, такой ненавистью ко всему, что его окружало в тот момент, что становилось неуютно. На полу сидел человек, с которым не просто не хотелось общаться — он вызывал отвращение. Даже холодные мурашки ощутил Долженко у себя на руках.

Конечно, за последние годы видел он эту работу своего друга много раз, но всегда мельком, никогда не задумываясь над тем, что хотел сказать мастер. А, ведь, так же, как и артист, художник хочет поговорить со зрителем. И это ему удалось.

— Освоил и присвоил, — прошептал про себя.

2024

Филолог, литературовед. Родился в 1991 году в Пензе. Окончил Пензенский государственный университет и очную аспирантуру на кафедре «Литературы и методики преподавания литературы» ПГУ. Публиковался в журналах «Сура», «Современное есениноведение», «Международный аспирантский вестник. Русский язык за рубежом», «Вестник Нижегородского университета им. Н. Н. Лобачевского», «Тарханский вестник». В 2017 г. защитил кандидатскую диссертацию «Музыкальные образы в творчестве С. А. Есенина: мифопоэтика и контекст». Живет в Пензе.

МУЗЫКАЛЬНЫЕ ОБРАЗЫ ГАРМОНИКИ И ГИТАРЫ В ЦИКЛЕ СТИХОВ СЕРГЕЯ ЕСЕНИНА «МОСКВА КАБАЦКАЯ»

ШТУДИИ

Определяя динамику развития ключевых мотивов и образов в есенинском цикле стихов «Москва кабацкая», А. М. Марченко обратила внимание на характер внутреннего конфликта, вполне обоснованно утверждая, что здесь «не только песня и пляска, но и своеобразная "драма" в трех действиях, ... разыгрывающаяся на подмостках "знакового кабака"»¹. Данную характеристику можно с полным правом применить и к музыкальным образам гармоника и гитары, под аккомпанемент которых разворачиваются сюжеты стихотворений цикла «Москва кабацкая», впервые опубликованного в сборнике «Стихи скандалиста» в Берлине в 1923 г. В него вошли четыре стихотворения: «Да! Теперь решено. Без возврата...» (1922), «Снова пьют здесь, дерутся и плачут...» (1922), «Сыпь, гармоника. Скука... Скука...» (1922), «Пой же, пой! На проклятой гитаре...» (1922). Гармонь и гитара — музыкальные инструменты, которые чаще всего звучали в кабацкой среде. Если в ранних стихах Есенина аккомпанемент гармоника отражал радость жизни, то в «Москве кабацкой» ее надрывная игра подчеркивает обреченность героев, пытающихся забыться в отчаянном веселье. Звучащая гармоника в контексте творчества Есенина становится звеном, связующим два хронотопа, выстраивающихся по принципу антитезы: поэт противопоставляет деревенскую юность лирического героя и его кабацкое настоящее.

В стихотворении «Снова пьют здесь, дерутся и плачут...» звучание гармоника рождает цветовые ассоциации, а эпитет, определяющий ее характер, формирует «музыкальный цветообраз», связанный с кабацкой символикой: «Снова пьют здесь дерутся и плачут / Под гармоника

желтую грусть. / Проклинают свои неудачи, / Вспоминают ушедшую Русь»². Есенинский художественный мир выстраивается по принципу образного воспроизведения совокупности чувств. Игра на музыкальном инструменте рождает цветовые ассоциации. В психологии схожее явление называется «синопсией», «цветным слухом» — «общее название зрительно-слуховых ассоциаций. Связующим звеном в возникновении цвето-музыкальных ассоциаций является эмоционально-смысловая оценка тембров и тональностей». Зачастую привычные музыкальные образы в есенинской интерпретации приобретают новый и неожиданный характер. Показательный пример — синестезийная метафора «под гармоники желтую грусть». Желтый цвет в творчестве Есенина в имажинистский период обретает трагическое звучание и ассоциируется со смертью в трагедии «Пугачёв»: «И глядишь и не видишь — то ли зыбится рожь, / То ли желтые полчища пляшущих скелетов» (III, 39). Идентифицируя своего лирического героя в эмигрантской среде, поэт акцентирует внимание именно на этом амбивалентном музыкальном образе, являющимся для него знаковым. Звучание гармони, отражающее ностальгию эмигрантов по потерянной России и тоску лирического героя по прошедшей юности, определяет душевный настрой завсегдатаев кабака.

Образ, в котором поэт видит «гармоники желтую грусть», подавляет светлые и чистые тона, олицетворяющие молодость лирического героя, во второй строке третьего катрена: «Май мой синий! Июнь голубой!» (I, 169). Желтый цвет символизирует неизлечимость болезни души лирического героя, а мотив обреченности пронизывает весь цикл «Москва кабацкая». С помощью цветовой характеристики музыкального образа Есенин передает также тусклый, неестественный свет внутри кабака. Художественная функция музыкального образа «под гармоники желтую грусть» заключается также в раскрытии внутреннего родства «Рассеи» и «Азии», проявляющегося на подсознательном уровне. Гармонь, ставшая для эмигрантов за границей символом Родины, теперь аккомпанирует злым политическим частушкам, в которых фигурируют суровые приметы времени: «Гармонист с провалившимся носом / Им про Волгу поет и про Чека» (I, 169). Трагическая суть ментальности русского человека, отраженная в стихотворении «Снова пьют здесь, дерутся и плачут...», во многом соответствовала духу евразийства, идеями которого был увлечен в то время Есенин. Подтверждение тому можно найти в строках: «Ты, Рассея моя... Рас... сея... / Азиатская сторона!» (I, 170). Здесь мы можем провести параллель с блоковским восприятием России, как Азии, в стихотворении «Скифы» (1918): «Да скифы мы, да азиаты мы / С раскосыми и жадными очами»³.

Образ гармониста и его трагическая судьба становятся у Есенина символом потерянного и обреченного на гибель поколения, к которому поэт относил и себя. Ряды музыкальных образов в цикле встраиваются в модель мифа о поэте Сергее Есенине, в котором апокалипсические мотивы проецируются на судьбу лирического героя, остро чувствующего в кабацкой жизни неотвратимую угрозу рока: «И я сам, опустясь головою, / Заливаю глаза вином, / Чтоб не видеть в лицо роковое, / Чтоб подумать хоть миг об ином» (I, 169). В «Москве кабацкой» Есенин вслед за Блоком творит «образ сгорающего поэта», внутренний мир которого отражается через сложный музыкальный подтекст в контексте мифотворческой парадигмы. Смысловым центром ее является звучание гармоники. Символичен образ гармониста, чья трагическая судьба стала символом потерянного поколения, не нашедшего себя в послереволюционной России. На смену веселому деревенскому парню, каким предстает гармонист в ранней новокрестьянской лирике Есенина, приходит образ трагического персонажа, черты которого жестоко исказила жизнь.

Как справедливо подчеркивает Н. И. Шубникова-Гусева, у Есенина «метафора поведения строилась как поэтическая — на диалоге»⁴. Через музыкальные образы в стихотворении «Снова пьют здесь, дерутся и плачут...» раскрывается не только личная трагедия лирического героя, но и социально-политические конфликты эпохи, искалечившие судьбы вынужденных эмигрантов. Важную роль играет образ гармоники и в драматическом действии, разворачивающимся в стихотворении «Сыпь, гармоника! Скука... Скука...» (1923), которое начинается с музыкального экфрасиса:

Сыпь, гармоника! Скука... Скука...
Гармонист пальцы льет волной (I, 171).

Семантика глагола «сыпь», повторяющегося в тексте стихотворения два раза, а также значение субстантивированного прилагательного «частая», выступающего в четвертой строфе в роли обращения, отражают особенность музыкальной фактуры народных наигрышей. Для их мелодической структуры характерно наличие быстрых пассажей, содержащих большое количество нот мелких длительностей. Синтаксическое построение начальной строки отражает динамику игры на гармонике: первое восклицательное предложение «Сыпь, гармоника!» сходно со стремительным вступлением на *forte*⁵, которое при исполнении на гармонии осуществляется с помощью резкого сжатия меха. Затем музыкант медленно «ведет мех» инструмента, «растягивая аккорд» на *piano*, что отражается в синтаксисе с помощью многоточий: «Скука... Скука...»

В архиве Е. Ф. Никитиной сохранился машинописный список одной из редакций этого стихотворения, где дается принципиально иная, более трагичная характеристика игры гармониста: «Сыпь, гармонь, скука, скука. / Гармонист, рви волной» (I, 602). Такая динамическая структура, основанная на резкой смене *piano* и *forte*, характерна для народных наигрышей и отражает особенности музыкальной композиции не только стихотворения «Сыпь гармоника! Скука... Скука...», но и всего цикла «Москва кабацкая».

Сочетание шумовых сценических эффектов и музыки определяет сходство цикла с драматическим произведением. Через музыкальные образы, связанные с кабацкими мотивами, Есенин отразил конфликты, характерные для его житнетворческого мифа, который он создавал в лирике 20-х гг. Есенин творил миф о «кабацком Орфее», который пытался «вызволить из царства смерти — Аида», поднять со дна жизни «свою Эвридику», предстающую в образе падшей женщины. Музыкальный подтекст позволяет провести параллель между стихотворением «Сыпь, гармоника! Скука... Скука...», которое исследователи относят к «дункановскому» циклу, и сюжетом оперы Глюка «Орфей и Эвридика», под музыку из которой танцевала Дункан. Создавая цикл «Москва кабацкая», Есенин находился под сильным впечатлением от танца Айседоры Дункан.

Как отмечает Е. В. Юшкова, «современники Дункан подтверждали, что она одна каким-то чудесным образом воплощала сразу несколько, а порой и довольно большое количество персонажей одновременно: например, Орфея и Эвридику»⁶. Поэт не может принять то, что духовная сущность любви заменяется плотской страстью. Танец Дункан приобретает трагический характер. Есенин заклинает собственную смерть, стремясь противостоять неумолимому року. Мотив рокового начала определяет драматичность судьбы героя, как в античной трагедии, ее сопровождает хор и музыкальный аккомпанемент. О дионисийском и аполлоническом началах в своем искусстве говорила сама Дункан: «Есть два способа танцевать. ...Можно отдаться духу танца и танцевать саму вещь — это Дионис. Или можно созерцать дух танца — и танцевать так, как будто рассказываешь историю. Это

Аполлон»⁷. Переосмысляя образы античной мифологии, Есенин отражает их трансформацию в царстве «кабацкого Аида». Музыка у Есенина — не просто звуковая декорация, а центральный элемент сюжета, в котором гармонист является двойником, «темной стороной» лирического героя Есенина, его «черным человеком», а гармонь ассоциируется с образом его возлюбленной в «подземном царстве» кабака. В связи с есенинской трансформацией мифа о поэте его возлюбленная становится одним из воплощений античного рока. В восприятии данной мифологической модели на Есенина большое влияние оказала Дункан, для которой концепция Ницше о дионисийском и аполлоническом началах в искусстве была основополагающей.

Гармонику Есенина можно сравнить с дионисийским музыкальным инструментом, сопровождающим пьяный разгул в кабаке. При этом происходит модификация мифологического сюжета. Любовь «кабацкой Эвридики» является гибельной для лирического героя и тянет его в «омут». Сходную трактовку любовного сюжета, отраженную через музыкальный образ, мы встречаем в стихотворении Блока «Гармоника, гармоника!..» (1908). Глагол «жги» («Гармоника, гармоника! / Эй, пой, визжи и жги!»)⁸. В характеристике игры гармонии у Блока подчеркивается ее связь с образом «огня» чувств, смертельного для лирического героя и отражающего гибельную страсть танца его возлюбленной. Этому способствует выразительная звукопись, которая помогает передать накал страстей. Звукопись характерна и для музыкальных образов Есенина. В соседних его строках повторяется шипящий звук «с», связывая между собой глагол «сыпь» и существительное «скука». Так рождается антитеза, передающая перепады чувств лирического героя, который попеременно то любит, то ненавидит. О своей возлюбленной он говорит с надрывной горечью: «Излюбили тебя, измызгали, / Невтерпеж» (I, 171). Предельный накал чувств лирического героя совпадает с музыкальной кульминацией: «Чем больше, тем звонче, / То здесь, то там. / Я с собой не покончу, / Иди к чертям» (I, 172). Таким образом, звучание гармоника заставляет героя сделать окончательный выбор и отказаться от мысли о самоубийстве. Так музыкальная антитеза определяет композицию стихотворения, которое начинается с залихватского наигрыша на гармонике, а завершается очистительным плачем лирического героя: «Дорогая, я плачу, / Прости... прости...» (I, 172).

В цикле «Москва кабацкая» игра на гармонике у Есенина одновременно отражает и сложные перипетии взаимоотношений героя с его возлюбленной, и становится своеобразным аккомпанементом трагической судьбы представителей русской эмиграции. Гармоника была в начале 20-х гг. XX в. сравнительно «молодым» музыкальным инструментом, но в контексте художественных исканий Есенина этот музыкальный образ наполняется глубоким мифопоэтическим смыслом.

Вслед за гармоникой кабацкую тему у Есенина продолжает гитара. Вполне закономерно, что Есенин образу гармонии, играющему ключевую роль в стихотворении «Сыпь гармоника! Скука... Скука...», противопоставляет музыкальный образ гитары — инструмента более тонкого по звучанию и более соответствующего сложной диалектике чувств лирического героя, в душе которого любовь и ненависть соединяются воедино. Есенин понимал, что эту особенность танца «Эвридики» — Дункан возможно передать лишь под аккомпанемент гитары.

Гитара оказалась тесно связанной с новым — городским — этапом жизни есенинского лирического героя, которая своим сюжетом чем-то напоминала коллизии «жесточкого» городского романса. Неслучайно в стихотворении «Пой же, пой. На проклятой гитаре...» (1922) у поэта доминирующую роль играет образ «проклятой гитары», под надрывный аккомпанемент которой разворачивается любовный сюжет. При первой публикации

Есенин посвятил это стихотворение поэту-имажинисту Александру Кусикову, который был автором текстов известных романсов «Обидно, досадно...» и «Слышен звон бубенцов издалика...». Кусиков с гитарой сопровождал Есенина в Берлине, куда поэт приехал вместе с Айседорой Дункан в 1922 году. Сложный характер взаимоотношений лирического героя с возлюбленной, прообразом которой была Дункан, Есенин отразил, используя прием музыкального экфрасиса: «Пой же, пой. На проклятой гитаре / Пальцы пляшут твои в полукруг. / Захлебнуться бы в этом угаре, / Мой последний, единственный друг» (I,173). Можно провести аналогию между гитарой и ее предшественницей — кифарой, которая была музыкальным инструментом Аполлона. У Есенина музыкальный образ гитары обладает амбивалентным характером. Аполлонический музыкальный инструмент, попадая в дионисийский разгул кабака, обретает новые черты. Поэт выбирает эпитет «проклятой», характеризуя гитару, соотнося ее образ по принципу параллелизма с любимой женщиной, о которой может сказать так в порыве гнева и ревности. Особенно важны, на наш взгляд, те строки, где отражен своеобразный музыкальный параллелизм звучания гитары и взаимоотношений лирического героя и его возлюбленной: «Ах, постой, я ее не ругаю. / Ах, постой, я ее не клян. / Дай тебе про себя я сыграю / Под басовую эту струну» (I,174). Учитывая то, что басовая гитарная струна часто использовалась в уголовной среде как удавка, можно провести и аналогию струны с петлей. В щемящем душу звоне-стоне басовой струны мы слышим отзвук страдающей души поэта, который не может смириться с кабацкой жизнью.

Для мифопоэтики музыкальных инструментов характерно уподобление струны обнаженному нерву. Этот образ в поэзии приобретает особый исповедальный характер, связанный со стремлением лирического героя высказать самое сокровенное. И. Д. Заруцкая обращает внимание на такую важную деталь: «Если натянутые, налаженные струны символизируют единство, упорядоченность какой-либо системы, то порванные струны указывают на нарушение порядка»⁹. На самом деле, параллелизм музыкальных образов гитары и ее струн с душевными переживаниями лирического героя у Есенина имеет глубокий смысл. Так рождается заявление, в котором рефрен акцентирует внимание на музыкальном образе: «Пой же, пой! В роковом размахе / Этих рук роковая беда» (I, 174).

В определенном литературном контексте образы музыкальных инструментов в творчестве Есенина обретают новое звучание. Есенин в «Москве кабацкой» изображает семиструнную гитару, которую называли русской или цыганской. Она была инструментом прежде всего аккомпанирующим, на широкое ее распространение повлияла городская песня. Традиция обращения к образу гитары восходит в русской поэзии к классике XIX века, где звучание гитары ассоциируется с цыганской романтикой и вольной жизнью. За отчаянным весельем часто скрывается тоска, связанная с внутренним разочарованием лирического героя, который хочет уйти от ненавистного ему мира и забыться под гитарный перебор.

На наш взгляд, есенинское изображение игры гитары имеет много общего с музыкальным экфрасисом из стихотворения Аполлона Григорьева, на основе которого был создан широко известный романс: «О, говори хоть ты со мной...» (1837) («О, говори хоть ты со мной, / Подруга семиструнная! / Душа полна такой тоской, / А ночь такая лунная»¹⁰. Человек, опутанный цепями «кабацкой среды», у Григорьева в соответствии с принципом романтического двоемирия одновременно живет в разных сферах бытия. Именно поэтому для него звучание цыганской гитары на какое-то время создавало иллюзию яркой жизни с необычными страстями. Блок писал об Аполлоне Григорьеве: «Пьяный угар; женщины, хандра, скука, восторги; гитара, цыгане; ...и вплотную подступающая "радость", мир "Гимнов" к Розе и к Мудрости, никем не понятых вплоть до наших дней»¹¹. В этом проявляется глубинная специфика «цыганщины» в русской литературе, нашедшая отражение

и в есенинском творчестве. Есенин продолжал традиции, заложенные не только автором «Цыганской венгерки». Генезис его музыкальных образов берет свое начало и в цикле стихов Блока «Страшный мир», с которым Есенина роднил мотив тоски от осознания утраты всего самого дорогого в жизни и попытка забыться в «дионисийской стихии» разгула. Традиционное для поэтики романтизма двоемирие у Есенина передано через музыкальный образ звучащей гитары, под мелодию которой лирический герой переходит из одной сферы бытия в другую. Кабацкий мир, в который он погружается, оказывает на него губительное воздействие, а хулиганский разгул оставляет в душе лишь опустошение.

Кабацкие мотивы в лирике Сергея Есенина в контексте скандальной славы поэта часто воспринимаются примитивно, в духе поэтизации пьянства, разгула. На наш взгляд, в стихотворениях из цикла «Москва кабацкая» (и в некоторых более поздних текстах, содержащих отголосок кабацких мотивов) нашла отражение своеобразная попытка Есенина найти свое место в мире и экзистенциальная трагедия отчужденности, отрыва от родины. А. Ф. Фатеева отмечает: «...ностальгическое русофильство вершилось устами неназванного Орфея в лирике Есенина. Безымянный русский Орфей у Есенина разрывает круг интимных переживаний... его поле — поле национальной судьбы и истории»¹². Важно отметить, что именно песенное начало спасает лирического героя Есенина, надевшего на себя маску «кабацкого Орфея».

Анализ музыкальных образов Есенина, отражающих пафос «гибельного восторга» «кабацкого мира», позволяет по-новому осмыслить идейно-художественную эволюцию поэта в контексте парадигмы его жизненных исканий, связанных с попыткой преодоления трагедии отчуждения. При этом музыкальные образы музыкантов (гармониста и гитариста) являются «двойниками» лирического героя. Себя же Есенин уподоблял именно струнному музыкальному инструменту. Так, например, в письме к М. П. Мурашеву, датированном 1916 г., читаем: «Друг твой Мандалина. А если хочешь, пожалуй, он и Сергей Есенин» (VI, 85). Л. М. Леонов вспоминал один эпизод из жизни Есенина: «...Уловив из разговора, что речь шла о его самоубийстве... рванул струны гитары, и, орудуя грифом, как кнутовищем, стал стегать пространство рядом с собой... ожидая, то ли болью, то ли звуком отзовутся мелькающие струны...»¹³

Глубокий смысл есенинских лирических образов раскрывается в цикле «Москва кабацкая» в определенном мифопоэтическом контексте через сопоставление с образами музыкальных инструментов... Образы гармоники и гитары помогали поэту достоверно передавать психологическое состояние лирического героя и отражали особенности его эстетико-философских и мировоззренческих установок.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Марченко А. М. Поэтический мир Есенина. М.: Советский писатель, 1989. С. 161.
2. Есенин С. А. Полное собрание сочинений: в 7 т. (9 кн.). М., «Наука» — «Голос», 1995–2002. Т. I. С. 169. Далее цитаты приводятся по этому изданию с указанием тома и страниц в скобках.
3. Блок А. А. Собрание сочинений: в 6 т. М.: Правда, 1971. Т. III. С. 244.
4. Шубникова-Гусева Н. И. Объединяет звуком русской песни: Есенин и мировая литература. М.: ИМЛИ РАН. 2012. С. 87.
5. Музыкальный энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 174.

6. Юшкова Е. В. Айсейдора Дункан: материалы к есенинской энциклопедии. Проблемы научной биографии С. А. Есенина. Сборник трудов по материалам Международной научной конференции, посвященной 114-летию со дня рождения С. А. Есенина. С. 532.
7. Цитируется по: Юшкова Е. В. Айсейдора Дункан: материалы к есенинской энциклопедии. Проблемы научной биографии С. А. Есенина. Сборник трудов по материалам Международной научной конференции, посвященной 114-летию со дня рождения С. А. Есенина. С. 541.
8. Блок А. А. Собрание сочинений: в 6 т. М.: Правда, 1971. Т. II. С. 222.
9. Заруцкая И. Д. Музыкальные инструменты в мифологических представлениях восточных славян: автореф. дисс. ... канд. искусствовед. наук. 1998. С. 18.
10. Григорьев А. А. Стихотворения и поэмы. М.: Советская Россия, 1978. С. 152.
11. Блок А. А. Собрание сочинений: в 6 т. М.: Правда, 1971. Т. V. С. 368.
12. Фатеева А. С. К мифопоэтике русского Орфея: опыт синкретической интерпретации» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Выпуск № 11. 2014. С. 150.
13. Цитируется по: Лысов А. Л. Леонов о С. Есенине (Из бесед писателя) // Литературная учеба. М. 1996. № 3. С. 102.

Кузнечихин С. Д., «Три четверти: Стихотворения»
Красноярск: ИП Феньков С. С., 2022

РЕЦЕНЗИИ

Очень надеюсь, что книга стихов Сергея Кузнечихина (р. 1946 г.) «Три четверти» найдет отзыв в душах не только старшего поколения. Сборник того заслуживает. Небольшое вступительное слово Геннадия Калашникова будет надежной рекомендацией творчества Сергея Кузнечихина для всех без исключения ценителей литературы и, безусловно, поэтов. А цели... Они столь же вариативны, как и мода, однако само занятие поэзией имеет свойство подспудно вести к горным вершинам. Лирический герой Сергея Кузнечихина эти вершины знает не понаслышке — его душа отыскала туда дорогу, оставив позади суету со всеми ее амбициями и материальной их шелухой.

Стилистическая цельность сборника, начиная от внешнего оформления до содержания текстов, впечатляет. Небольшой, самый поэтический формат — такая книжка не займет много места на прикроватной тумбочке, в ручной клади дорожного багажа. Под матовой черной обложкой читателя встретит настоящая феерия. Разнообразие жанров и поэтических приемов восхитят ценителя поэзии, а непредсказуемость, выразительность и глубина содержания не только гарантируют захватывающее чтение любому читателю, но и позволят отыскать в сборнике созвучия практически любому настроению — от уморительного фарса и едкой сатиры через бытовые передрыги, встречи-расставания до состояний возвышенных и даже безысходно-лирических.

Однако опустошения, какого-то истощения не ощущается и в помине: лирический герой Кузнечихина — реалист со здоровой психикой и философским отношением к жизни. Он умеет радоваться доступному: общению с людьми, дороге, умеет обходиться малым и не терзает себя несбыточным, не отягощен самобичеванием — стоически живет по принципу «времена не выбирают». Его волнуют вечные вопросы смысла жизни и творчества. Отношения с женщинами, со смертью и с самим собой при всем их драматизме уравниваются восприятием красоты бесконечно возрождающейся природы.

Из этой книжки хочется выучить наизусть не одно стихотворение, ведь многое сказано настолько сильно, что пробирает насквозь. Однако пробирает совсем не эпатажем, а эликсиром неожиданности содержания. К слову, рыбалка и уха на костерке — ни что иное, как «час восстановления мужчин в былых правах и званьях» («Уха»).

Надо отметить, поэзия Сергея Кузнечихина очень мужская, соответственно, мужская тема в сборнике раскрыта обстоятельно, с большим тактом и элегантностью даже в самых маргинальных обстоятельствах. Отношение к женщине самое рыцарское, что не может не восхищать, потому что у Сергея Кузнечихина представительницы лучшей половины человечества обитают не только на небесах и парковых скамейках, но и под забором.

Смело можно сказать, что книга «Три четверти» большей частью посвящена вечным вопросам: кто я, где я и что для меня это значит? Вечность — как морской песок... Но песок может быть разным — не всякий песок хочется пересыпать из ладони в ладонь. Песок вечности Сергея Кузнечихина промытый, отборный. Его не только приятно пересыпать, такой песок хочется поместить под лупу, чтобы не спеша рассмотреть и налюбоваться каждой песчинкой — каждое стихотворение отзывается, чувствуется неслучайность атмосферы, образов и сюжетов, пронизанных невидимой читателю предисторией и, быть может, долгими годами размышлений.

Вечны кухонные мужские разговоры о политике: «Нас не жалуют на Западе, / И не любят нас на Юге» («Вроде и бесспорны заповеди...»). Неисчерпаемы мужские рассказы о женщинах, достижениях, сомнениях и вековой русской тоске. «Страшной, когда и завтра, и вчера / Ты весь во власти непонятной боли (...) / Страшной понять — иного не дано...» («Как превозмочь постылую тщету?...»). Вечен возврат к целительной природе через рыбалку, охоту, сплавы по таежным рекам, любование пейзажами.

Любовь сопровождает лирического героя Сергея Кузнечихина всю жизнь, ему тоже даровано море любви, в котором все, конечно, самое-самое. Эпитеты семистрочного стихотворения-анафоры «Море любви» — стройные (пальмы), сладкий (виноград), загадочные (звезды), полная (луна), пьянящий (воздух), ласковая (вода) — будут сопровождать многие стихотворения сборника, обыгрываясь с разных граней.

Три четверти... Ни в одном из стихотворений книги мы не встретим этого слова, однако совершенно ясно, что название сборника не может быть случайным. Если предположить, что оно отражает возраст автора, итоги этого возраста, многое становится на свои места.

Ольга НЕМЕЖИКОВА

**Галина Шубникова. Излучина. Избранное.
М.: «Вест-Консалтинг», 2025**

Время, как известно, величина относительная. Вот вы, например, какими событиями высчитываете свое время? Кто-то скажет: «Это было за месяц до того, как я подобрал кота», кто-то вспомнит: «Это случилось в тот год, когда меня уволили», а поэт обладает привилегией фиксировать свое время в книгах: «Это произошло через две недели после выхода моего первого сборника». Выход очередной поэтической книги — всегда значимое событие в жизни автора. Особенную значимость приобретает выход «итогового» издания, демонстрирующего определенную веху творческого пути автора. Это и счастье, и гордость, и легкая тревога за будущее — что-то ждет впереди?..

«Излучина» Галины Шубниковой — как раз такое издание. Крутой поворот, изгиб русла реки — первоначальное, гидрологическое значение этого слова, и мы, конечно же, видим метафору: человеческая жизнь тоже не течет по прямой. Однако мы замечаем и оттенок слова: меняя направление течения, река остается рекой — полноводной, спокойной, как русская равнинная река, столь широко воспетая в народных песнях. Узенькие, бурлящие речушки не имеют излучин — они все в порогах и водопадах. Аналогия с людьми считывается без проблем: сильный духом, во-первых, никуда не спешит, а, во-вторых, остается стойким к ударам судьбы. Такой и предстает перед нами автор: ее лирическая героиня не суетится, речь течет плавно и с глубоким чувством собственного достоинства.

Многозначителен подзаголовок «Избранное». Он свидетельствует о трудности выбора представленных в книге поэтически произведений. С одной стороны, это замечательно, когда есть из чего выбирать — значит, поэт как минимум плодовит, а уж если и стихи при этом хорошие (спешу предупредить — они таки хорошие!), то читателю приятно вдвойне. С другой стороны, муки выбора никто не отменял: что представить читателю, а что отсеять? По какому принципу отбирать произведения? Продуманная композиция книги стихотворений очень важна, поскольку под обложкой формируется индивидуальная лирическая система, созданная отдельно взятым автором и существующая как особый художественный мир. Если же автор еще и известен, от него ждут целостного сборника, который является своего рода поэтической биографией поэта.

Знаете, а мы дождались. Какую страницу ни открой — перед нами появится текст, наполненный принятием (слово-то какое, из лексикона психологов, но по-другому не скажешь!)... Это не подчинение судьбе, но рассудительное, спокойное состояние — «я даю этому место», пусть даже речь в стихотворении идет о вещах пугающих и неотвратимых. Таково, скажем, безымянное стихотворение с эпиграфом из Михаила Гронаса — «Свадьба безымянного света и безымянного снега»:

Между светом и снегом
какая настигнет беда?
Где шагов половинки
рассыпаны, сброшены ветром.
Не спасешься побегом:
Врасплох застают холода.
И кого тут винить,
что останется песнь недопетой?

Как изящно развернута эта метафора, и как тих тревожный монолог лирической героини! Пространство, в котором происходит действие, — двойственное и зыбкое междумирье: «свет» может символизировать надежду, тепло, жизнь, а «снег» — холод, зиму, забвение, смерть. Контраст, осуществляемый на всех уровнях текста, усиливает картину внезапной остановки, когда жизнь, полная света и движения, сталкивается с холодом и забвением. Это момент, когда все, что было начато, остается незавершенным. Попытки убежать бесполезны. Слово «конец» не проговаривается, но его описание вызывает у читателя ощущение необратимого. Винить в этом некого, потому что это часть естественного хода вещей, который может быть суров и неумолим. А раз некому предъявить претензии, что остается? Смириться. Жизнь так устроена, да. Вот только... песню жалко.

Крайне важна для поэта «малая родина». Стихотворение о городе Вятке не перегружено сложными метафорами, но именно эта простота делает его таким волнующим и близким каждому, кто любит свои родные места:

В городке моем все по-прежнему —
розовеет рассвет над рекой.
И дыхание ветра свежее
обнимает прохладной рукой.
Гладь речная тиха и задумчива,
словно время уснуло на миг.
Отражается небо тучами,
день проснется, дождями умыт.
Все по-прежнему, все по-прежнему.
Тишина и небесный покой
пробуждают любовь мою нежную
к Вятке — Родине дорогой.

Повторение «все по-прежнему» подчеркивает незыблемость этого чувства и преданность родному краю. А ряд образов природы — не просто фон, а активные участники повествования: благодаря олицетворению мощный глагол «обнимает» заставляет нас выдохнуть, а финальный глагол «пробуждают» звучит целительно: не может угаснуть чувство причастности к своим корням, как бы жизнь ни помотала... Эти стихи — признание в любви к родным просторам, выраженное простым и понятным языком. Не буду сейчас углубляться в историю развития Вятской поэтической школы, скажу лишь: еще в XVIII веке проявилась у вятских поэтов важнейшая для русской поэзии особенность — осознание литературы как искусства нравственного воспитания человека. Вятская поэтическая школа складывалась при славяно-латинской, а затем и духовной семинарии, и это обстоятельство наложило на ее формирование неповторимый отпечаток: отражение нравственных идеалов эпохи, отречение от низменных, меркантильных интересов. «Тишина и небесный покой» — вот к чему стремились поэты той эпохи, а творчество Галины Шубниковой, безусловно, продолжает и развивает эту благочестивую традицию.

...Человек, посвятивший свою жизнь творчеству, как правило, отражает то, что полностью поглощает мысли и эмоции в процессе созидания. Проще говоря, что внутри — то и снаружи. В этой книге мы не встретим зарифмованной констатации серости жизни, а, наоборот, укрепимся в жизнеутверждающем состоянии. Поэт напоминает нам: наибольший вызов в творчестве заключается не в изображении уже известного, а в исследовании сфер, недоступных никому, кроме нашего собственного взгляда. Если же творческий порыв

подпитывается светлым чувством любви, поэтическая интонация наполняется им настолько, что трудно остаться равнодушным и не поддаться его влиянию:

А позовешь —
и вспыхну в одночасье
Своей мечтой
и голосом твоим.
И по дороге —
в вечной ее власти —
вновь к берегам,
где шторм неутомим.
И пресной тишина
вдруг ощутится,
А сердца стук
с прибоем наравне.
Мне не дано
взлететь над бездной птицей.
Но птицей быть
в мечтах своих — вполне.

Мечтательное и немного грустное стихотворение затрагивает не только тему любви, но и разговаривает с нами о свободе, прежде всего — о свободе внутренней. Основная мысль поэтического текста строится на противопоставлении между существующим миром и воображаемым. Лирическая героиня Галины Шубниковой ощущает крепкую духовную близость с любимым, однако осознает рамки своего существования. Замысел полета, как аллегория вольности и рвения к расширению горизонтов, занимает важное место в этом произведении. Образ птицы — древний архетип, причем поэт сознательно утаивает, в кого хотела бы превратиться: в ласточку или соловья, а, может быть, в чайку (кто еще рискнет летать над морем в шторм?) или смелого Буревестника (слово «бездна» к этому располагает: редкое пернатое способно бросить вызов стихии)?.. Женщина дает себе право перевоплотиться в любое пернатое (хотя мы-то уверены: вряд ли это будет условный «черный ворон»), главное — способность к полету, чувство парения над обыденностью. Любовь окрыляет...

«Излучина» — книга-исповедь. В этом сборнике стихотворений искренняя привязанность к отчизне сочетается с пронзительной лирикой и серьезным философским взглядом на земное существование. Каждая строка наполнена неподдельным чувством и размышлениями о смысле жизни. Автор не скрывает своих чувств, делаясь сокровенными мыслями и переживаниями. Читатель найдет в ее стихотворениях не только красоту слова, но и глубокое осмысление человеческого бытия.

Ольга ЕФИМОВА

«Зинзивер»
(Санкт-Петербургский литературно-художественный журнал)
Издательство «Вест-Консалтинг»
(генеральный директор Евгений Степанов)
Бумага офсетная
Печать офсетная
Тираж 500 экз.
Сдано в набор 30.10.2025
Подписано в печать 10.11.2025